

P2
0-38

2•1984

Апрель—Июнь

ОГНИ КУЗЬБАСА

П. А. Чернов. Шахтер. Карандаш. Бумага.

Р2
0-38

№ 2(84)

Год издания 36-й

Выходит
ежеквартально

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ,
ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

В НОМЕРЕ

Редактор

Владимир МАЗАЕВ

Редакционная коллегия:

Виктор БАЯНОВ

Сергей ДОНБАЙ

Геннадий ЕМЕЛЬЯНОВ

Валерий ЗУБАРЕВ

(отв. секретарь)

Владимир КУРОПАТОВ

Владимир МАТВЕЕВ

Валентин МАХАЛОВ

Зинаида ЧИГАРЕВА

Геннадий ЮРОВ

СТИХИ

Павел Майский. Приветливые здешние места 3

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ КМК

Виктор Гюнтер. Инженер. Юбилей города. **Михаил Степанов.** Руки настоящего врача. Электрокардиограмма. Пушки Кузнецкой крепости. **Вадим Назаров.** Стихийные вопли. Пародия 38

ПРОЗА

Владимир Коньков. Тополь на терриконе. Повесть . . . 5

НАШ СОВРЕМЕНИК

Владимир Кузнецов. Дальние горы 41

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

Евсей Цейтлин. Путешествие в провинцию (Из венгерского дневника) 46

ЧИТАТЕЛЬ И КНИГА

Геннадий Чупин. Правога доброты 52

ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

Владимир Ширяев. Гамма-излучение. К вопросу о собачьем зрении. Элегия. Августовские объявления 55

Кемеровское
книжное
издательство
1984

Р₂
038

Адрес редакции:
650099, Кемерово-99,
Советский пр., 40,
тел. 6-26-95, 6-85-14.

НАШИ АВТОРЫ

Рукописи
не возвращаются.

Майский Павел Николаевич. Родился в 1937 году в п. Центральный рудник Кемеровской области. Окончил Сибирский металлургический институт и Литературный институт им. Горького. Автор нескольких книг стихов, последняя из которых — «Высокие туманы». Член Союза писателей СССР. Живет в Новокузнецке.

Ведущий редактор
Л. В. Глебова

Коньков Владимир Андреевич. Родился в 1935 году в с. Талое Красноярского края. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор книг прозы «Утренняя смена», «Уголок свиданий». Член Союза писателей СССР. Живет в Кемерове.

Художественный редактор
В. П. Кравчук

Ширяев Владимир Михайлович. Родился в 1949 году на Алтае. Окончил Томский государственный университет. Работал в городских и областных газетах, член Союза журналистов СССР. Его стихи публиковались в журналах «Студенческий меридиан», «Чаян», в газете «Советская Россия». Был участником семинара молодых литераторов Сибири в г. Новосибирске. Живет в Кемерове.

Технический редактор
Г. Н. Манохина

Корректор
Е. И. Тимошук

Чернов Павел Афанасьевич. Родился в 1918 году в д. Плеханы Кировской области. Окончил институт им. И. Е. Репина Академии художеств СССР. Живописец, участник областных, зональных, республиканских и всесоюзных выставок. Член Союза художников СССР, заслуженный художник РСФСР.

На первой стр. обложки: П. А. Чернов.
Овощеводы совхоза «Береговой». Холст. Масло.

На четвертой стр. обложки: П. А. Чернов.
Девочка с куклой. (Н. Долгова). Холст. Масло.

08 - 178642 -
+ ✓

Слано в набор 24.01.84. Подписано к печати 17.04.84. ОП04080. Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,1. Усл. кр.-отт. 4,97. Уч.-изд. л. 5,61. Тираж 7 000 экз. Заказ № 2765. Цена 35 к. Кемеровское книжное издательство. Полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

Павел Майский

ПРИВЕТЛИВЫЕ ЗДЕШНИЕ МЕСТА

* * *

И опять я бумаги отжившие те
Достаю из печальных архивов семейных...
Вот лихим комендантом у Заинских стен
Я встречаю царя — Пугачева Емелю,
А потом на Иртыш по этапу пойду
Как злодеевых дел соучастник
И сынам своим в ноги потом упаду
Поутру, перед смертным причастьем...

Вот с прабабушкой Марьей стою при свечах
В войсковой градо-Омской церквушке казачьей,
Где священник Бессонов нас грустно венчал
И по бедности сбора в казну не назначил.
Мне, согласно закона чинов не иметь,
Даже чарки казенной не пить мне по праздникам.
Я от пули турецкой приму свою смерть
В городке, где сейчас всеююзная здравница...

Вот густые следы на маньчжурском снегу
И на стылой проталине — два арестанта.
Это я из японского плена бегу
В сапогах на двоих с полковым адъютантом.
И войду я в свой дом — задохнется душа,
Как прижму я к груди свою Зоиньку-дочку!
И не знать мне тогда, что тифозная вша
Третий день, как на мне уж поставила точку...
А вот это — Можайск. На опушке лесной,
Переломанной, словно на лесоповале,
Я уткнулся в застылую грязь под сосной...
Нас эсэсовцы вечером атаковали.
И они не прошли... А ко мне поутру
Полковой военврач Серафима Андревна
Подойдет в медсанбате — «Держись, политрук!»...
И сгорю я в глубоком тылу от гангрены!..

Я застывшую боль поржавелых страниц
Как святая святых берегу...
Не судьбу своих предков читаю я в них —
Я свою в них читаю судьбу!

* * *

Который год живет во мне мечта
Из города в тайгу переселиться,
В приветливые здешние места,
Где пребывала шорская столица.
Где на просторном берегу реки
Привязаны к колодинам долбленки,
Где на судьбу не злые мужики
В фирмовые не рядятся дубленки,
Еще умеют валенки подшить,
Избу себе поставить без подряда...
Где все при деле. Где свершает жизнь
Веками утвержденный распорядок.
Где за душой угодливо, как тень,
Не ходит лицемерие весь день.

* * *

Не всякий день откроется душе
И зов полей, и вдохновенье леса,
И дверь избы, которой нет уже,
Где ласточкины гнезда под навесом
И узкие головки ласточат
Из них весной доверчиво торчат...
Но день такой еще приходит к нам,
Еще в нас гены прадедов бытуют,
Еще играем свадьбы, верим снам,
И супротив материи бунтуем,
Справляя девять дней... Хотя в душе
У нас тревога малая уже
За братьев наших в облике ином,
За бесконечность поля, вечность леса...
Да — был ли он, тот деревенский дом,
Где ласточкины гнезда под навесом?

* * *

Живу я ни шатко ни валко.
С утра на часы не гляжу.
В погожие дни на рыбалку
С годком деревенским хожу.

«Житье здесь — приволье. Отседа, —
Божится объездчик Петро, —
Зови хошь в Москву — не поеду!
Хотя там, конечно, метро...»
Живу я... но вот ведь досада,
Нагрязнул сюда гражданин,
С которым совместно, с детсада,
Живем, почитай, до седин...
Он шумно приехал, на «Волге»,
В сигнал у крыльца погудел
И взглядом начальственно долгим
Хоромы свои оглядел.
Потом на веранде побрился
И в новых спортивных штанах
Под вечер ко мне заявился
С канистрой сухого вина.
Достал апельсины из сумки
И прочий съестной дефицит...
И вот уже третьи сутки
Опять я гляжу на часы,
Вконец отошел от рыбалки
И, чтобы развеять тоску,
Смотрю телевизор у бабки...
И хочется съездить в Москву!

* * *

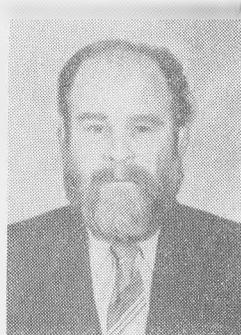
Приятны сердцу здешние места:
Осинника густого позолота,
Заросшее смородиной болото,
Туманный плес у старого моста,
Сырые пихтачи на склонах гор,
Покос, заросший путаной люцерной,
У кладбища глухой сосновый бор,
Где тихо и торжественно, как в церкви...
И деревенька, ясная от гроз,
Морозных зим и солнечного лета...
В которой я на радость маме рос
Здоровым и счастливым...
Не поэтом.

г. Новокузнецк

Владимир Коньков

ТОПОЛЬ НА ТЕРРИКОНЕ

ПОВЕСТЬ

I

В этот раз на рыбалку Павлов не соби-
рался. И дело не в том, что у него были осо-
бые планы на выходной. Такая уж докучли-
вая выпала неделя — забот по горло. Хотя в
какую неделю, если разобраться, горному
мастеру работалось без нервозности? А с ры-
балкой все само собой получилось.

Уже в мойке, когда усталость медленно
выходила из омытых тел и бессонная ночь
колотилась в мозгу словами необязательных
разговоров, Мерзляков, секретарь парткома
шахты, утирая с лица тяжелые капли, спро-
сил, обращаясь к мастеру с четвертого уча-
стка:

— Рыбалка, как я понимаю, Литвинов,
накрылась?

— Почему же? — невозмутимо, без тени
сомнения на продолговатом, с розовевши-
ми щеками лице произнес тот. — Все, слава
богу, обошлось. Можно сказать, подвели итог
теоретической конференции. Лишний раз убе-
дились, что горная наука — темный лес. А
рыбалка... Машина у Карнаухова на ходу.

— Тогда, может, и его прихватим, — не-
ожиданно для Павлова кивнул кудрявой го-
ловой в его сторону парторг. — Как-никак, а
у него сегодня что-то вроде праздника. Мо-
жет быть, новое слово в той самой горной
науке сказал.

— Мне бригадир посадчиков позавчера
сказал слово, — вспомнив великана Свиридо-

ва, с простодушной улыбкой объявил Пав-
лов. — Ты, говорит, мастер, у нас хлеб от-
бираешь, — гляди, как бы мы из-за твоей
«рации» тебе же и бока не намяли.

— И намнут, — тоном, не допускающим
возражения, подтвердил Мерзляков, — ты ведь
на всю основу их вольницы замахнулся.
Кстати, Литвинов, а знаешь ли, что у них в
лаве за эксперимент провели?

— От своего бы, Виктор Степанович, в
себя придти поскорее, — поднялся с диван-
чика Литвинов; высокий, по-спортивному
стройный, он и голый выглядел франтовато,
такая у него была осанка.

Из душевой кабинки не спеша, вразвалку,
осторожно оцупывая пол голыми ступнями,
вышел Шалков, начальник третьего участка,
на котором работал Павлов. Мерзляков встре-
тил его веселым возгласом:

— Ну ты, Григорий Фомич, моешься! Буд-
то год в бане не был. Мы тут уже на рыбал-
ку сговариваемся. Литвинов приглашет. — Го-
воря, Мерзляков тоже встал с диванчика, по-
дошел к раздевальному шкафу, а Шалков,
неторопливо накинувший полотенце на голо-
ву, глухо, будто слова размягчались в махро-
вой путанице, отчего звучали растянуто, от-
вечал ему:

— Для рыбалки у нас Павлов подходя-
щий. Он всякое ловить мастак. По-хорошему,
ему полагается по шее накостилять. Но уж
раз победителей не судят, а он вроде побе-
дителя сегодня... А баня, я вам замечу, как
всякое дело, основательности требует. И меж-
ду прочим, медленная баня силы восстано-

Журнальный вариант.

ливаает... Если на уху пригласите, не откажусь, а так у меня по плану на выходной — сено косить... А ты, Виктор Степанович, про Тараканова с лесосклада не забудь. До каких пор он нас мокряком трехметровым изводить будет? Бе, ту лиственицу, и вдвоем-то поднять — цуп развяжется. Считай, устное заявление я тебе в партком сделал. — И, отложив полотенце, в том же тоне сказал Павлову, повернувшись в его сторону:

— Нам с тобой, Игорь Иванович, надо будет еще на участок зайти. Шестаков наряд дает, а после наряда кой о чем помозговать надо.

— Я разве тебе не сказал, что разберемся, Григорий Фомич, — без обиды напомнил Мерзляков, — все-таки люди не чужие.

До того, как его выбрали секретарем парткома, Мерзляков был начальником третьего участка, а медлительный основательный акуратист Шалков — большой практик, правда, совсем недавно осиливший курс вечернего отделения горного техникума, был у него помощником.

Его внешняя медлительность, за которой скрывались не только естественная основательность и обдуманность поступков, но и твердая самостоятельность позиции как в обращении с начальством, так и с подчиненными, постоянно противостояла Мерзлякову, склонному в делах обольщаться кажущейся очевидностью нерешений. В конце концов, как казалось Мерзлякову, он преодолел практический консерватизм старика, и много лет они работали, что называется, душа в душу. А в действительности незаметно для себя и в большей степени благодаря тактичности Шалкова Мерзляков привык опробовать свои идеи на фильтрах сомнения помощника, а в идеях он был неистощим. И только потом, общими усилиями, при лидерстве молодого инженера выходили на третьем участке к рациональным вариантам технических нововведений. При этом каким-то образом совершенно не затрагивалось самолюбие ни того, ни другого. Ничего и похожего не было на ту повсеместно на шахте процветающую конфронтацию между практиками и инженерами,

которая порой приносила немалый урон общему делу.

Справедливости ради надо заметить, что Мерзляков считал всегда и укрепился в этой мысли окончательно, уже став партгором, что время практиков ушло безвозвратно и что Шалков — редкое исключение в этом вымирающем племени руководителей, и поэтому он самым внимательным образом приглядывался к каждому инженеру, приходящему на шахту. И как личную обиду расценивал уход инженера с шахты, о чем он и сказал Золотухину, помощнику начальника на четвертом участке, когда подписывал ему открепительный талон. Парень не выжил под тяжелой рукой Семко, начальника четвертого, большого пройдохи — это все знали на шахте, — тем не менее большого хозяина и специалиста. При любых условиях участок Семко давал план всегда.

На теоретической конференции по отработке пласта Еланского, впервые на руднике организованной парткомом с большим размахом, с приглашением специалистов из треста, с других шахт, из газеты, слушая горячее выступление Павлова, который (один из немногих студентов, проходивших за последние годы практику на «Восьмерке»), «распределился» после окончания института вновь на шахту и прижился на ней, Мерзляков разгадал в этом горном мастере нечто такое, чего не замечал раньше, хотя тот и был с женой несколько раз у него в гостях. И уже когда Павлов сходил с трибуны, Мерзлякову показалось, что есть в этом парне что-то душевно близкое ему. Родившийся под звуки шахтового гудка, игравший в детстве на синеоженных крутых склонах терриконов, где в забаве и играх ребятишки выбирали уголь для домашней тонки, учившийся плавать в шахтовых же обвалах, Мерзляков не с молодым ли материнским, как крестьянский мальчишка долю пахаря, всосал свою шахтерскую судьбу?

Подавал Мерзляков заявление в техникум на отделение буровиков, это уж точно, не из-за страсти к геологии. О геологах, как и все

мальчишки, он был просто наслышан, а тянулся, как и большинство тополинских мальчишек, к тайге. Она в годы его босячества сумеречными пихтами, как заплотом, огораживала со всех сторон Тополинск. Начинаясь ее влекущая бескрайность сразу же за последним шахтовым вентилятором, вокруг которого огненно плескались на ветру майские цветы — огоньки. С виду хмурая, в те военные лета встречала она пацанов благодатной материнской щедростью: кормила обжигалой чесночной жгучестью колбы, несытой хрупкостью пучек, русанок, приторной сахарностью саранок.

И как естественна была ее глухомань с обитателями, с ягодами-кореньями, так же естествен был жизненный путь большинства тополинских ребятшек, — на шахту.

Многие, в том числе и Мерзляков, шли по отцовскому, оборванному войной следу. Только родительская тропка мала становилась для них — вот они и расширяли ее... Это — тоже закон жизни. Неписанный, но и неизбежный закон.

С самого детства Мерзляков привык делать все обстоятельно, основательно, без переделок. Надежно. Выходило это у него порой очень медленно, но уж наверняка. И все, кто сталкивался с Виктором по работе, знали эту его черту, знали, что Мерзляков своего добьется. И не просто добьется, а непременно у него должно выйти лучше всех.

Окончив с отличием техникум, он сразу поступил в горный институт, после которого и вернулся в Тополинск.

Начальство иной раз даже играло на его тщеславии, подсовывая такие работенки, от которых все на шахте отмахивались. Мерзляков все видел, все понимал. Не проходило мимо его ушей и недовольное ворчание шахтеров на нарядах, но в душе у него всегда тлел тот огонек, который еще в детстве толкал его в самое пекло на терриконике, в то пекло, которое провалилось однажды, разинув раскаленное жерло, сразу после того, как по нему пробежал Витька Мерзляков.

Выскочив на твердые камни, он обернулся и увидел лишь черно-белое облако пыли и золы... И прошло предостаточно времени,

прежде чем в груди чуть утихла дрожь и он собрался с силами, чтобы опуститься вниз. В облаке пыли он увидел ребят, и никто из них не заметил бледности страха: все лицо его было в саже.

Соседская Верка Степанова рассказала обо всем бабушке, ему «досталось на орехи», но он мужественно вынес все и даже заснул потом в углу с сознанием величия своего мальчишеского подвига, прославившего его среди пацанов всей улицы — самой главной улицы земли — Партизанской.

...В перерыве Мерзляков в курилке подошел к Шалкову с Игорем Павловым в тот самый момент, когда Игорь, широко жестикулируя руками, что-то не то объяснял, не то доказывал начальнику.

— Прогрессивно мыслят у тебя мастера, Григорий Фомич, — имея в виду выступление Игоря, сказал Мерзляков полшутя, — растут!

И тут Павлов, для которого Мерзляков был предметом тайного подражания и домашними общениями с которым он тайно гордился (неожиданно после Игоревой женитьбы обнаружилось, что Валя, жена Игоря, работает под началом жены Мерзлякова Лидии, а та пригласила их как-то в гости на праздник, а потом еще несколько раз), — тут Павлов не удержался от соблазна и на виду у всех в приятельском тоне заговорил с парторгом. Все походило на озарение игрока-дилетанта, интуитивно почувствовавшего ударный ход, а не на расчетливость и предприимчивость профессионала. Павлову показалось, что, вовлекая Мерзлякова в этот разговор, он тем самым сумеет использовать для дела силу его авторитета, которая, по убеждению Игоря, только и могла подействовать на озадаченного им Шалкова.

Павлов уже несколько дней раздумывал над тем, как бы более деликатно подойти к начальнику со своей идеей. Он знал, что Шалков не терпел самоуправства, однако любые варианты разговора казались Игорю малоубедительными. Наконец, совершенно необдуманно, видимо, взвинченный своим выступлением на конференции и общей, немного нервной обстановкой, Павлов неожиданно в курилке озадачил начальника участка призна-

нием в том, что уже несколько раз опробовал в лаве, правда частично, свою идею нового метода посадки, точнее сказать, проверял свои предположения, и пришел к выводу, что эксперимент вполне можно проводить по всей лаве. Вот после чего он Мерзлякову-то и сказал:

— Мы тут одно новое дело с посадкой задумали с Григорием Фомичом, если хотите, можете прийти посмотреть! — Павлов после этих слов не сразу решился поднять глаза на Шалкова, однако внешне Григорий Фомич оставался совершенно спокойным. Он только, обращаясь к Мерзлякову, заметил — не то соглашаясь с ним, не то с иронией:

— А ты верно заметил, Виктор Степанович, растут...

Павлов, не почувствовав иронии, а скорее всего просто решив не обращать на нее внимания, попытался как можно короче, но и все-таки попонятнее объяснить свою идею, но от торопливости или возбуждения у него это не получалось. Он начал не с того конца:

— Я говорю, Виктор Степанович, дело-то пустячное. Патрончик пад стойкой, один патрончик. Кровля над стойкой в момент, можно сказать, в пух и — садится. Ни хлопот, ни риска... Я сам еще с практики палить люблю. Есть в этом, знаете, что-то самоутверждающее, как-то против горы вроде силу чувствуешь. Все-таки, как ни крути, а мы с ней в постоянном противоборстве, — Павлов сам понимал, что его понесло совсем не туда, и это его еще больше сбивало. Он наконец-то мельком поглядел на Шалкова, ему показалось, что тот как-то скептически ухмыляется. — Одним словом, придумал я совершенно безопасный способ посадки лавы...

— Вот так, — сказал спокойно Шалков, — надо же, Виктор Степанович, взял и придумал, а мы с тобой-то не смогли. Так что, давай, приходи глядеть его придумку.

Павлову после этих слов и не надо было смотреть в лицо своему начальнику, чтобы увидеть всю презрительность, почувствовать уничтожающее превосходство, с которым, как казалось Игорю, Шалков относился к нему с самого его первого появления на участке. Но сейчас ему особенно было неприятно осозна-

вать, что происходит все в присутствии Мерзлякова, как-то выжидающе улыбающегося, может быть, мысленно подталкивающего: «Ну, поглядим, поглядим, как ты умеешь за себя постоять, Павлов...»

— Вообще-то меня в институте как раз и учили тому, чтобы я еще и думал, Григорий Фомич, — сдержанно, как ему показалось, сказал Павлов, а на самом деле прозвучало по-мальчишески задиристо, на что Шалков резонно ответил:

— Я институт-то не кончал, в студентах ходить не довелось! А что вас учили — это хорошо, вот науку и давайте в практику, все верно. Для этого мы на конференцию и собрались, а, Виктор Степанович?

— Я тебя, Григорий Фомич, насквозь ведь вижу, — засмеялся Мерзляков, — ну а к вам в лаву — в самое скорое время, а сейчас давайте-ка в зал...

Но, слушая выступающих, Игорь уже не очень-то вникал в суть: он думал о своих взаимоотношениях с начальником, о том, как они эту тему обсуждали с Мерзляковым, будучи у них в гостях, и как тот ушел от прямого разговора. И еще Павлов подумал: с высоты сегодняшнего своего положения Мерзляков уже до конца не может быть откровенен, и, пожалуй, его сдерживает еще и то, что, в сущности, пока их отношения строятся на хрупкой связи знакомства между жеманами.

Павлов не мог в себе побороть раздражительности, возникшей в нем против Шалкова, хотя и сознавал, что не совсем он прав, но вот что-то мешало ему отвлечься от глупого разговора, и вдруг это неясное обозначилось: задела шалковские слова: «В студентах не ходил!» Вот в чем все-таки корень. Павлову припомнился разговор с Николаем Золотухиным, бывшим помощником начальника четвертого участка, двумя годами раньше окончившим тот же самый горный и уже рассчитавшимся из-за конфликта с начальником Семко, и довольно старое происшествие у них на третьем участке.

Еще со студенческих времен практику — так вышло — Игорь проходил как раз на третьем; в пору начальствования здесь Мерз-

лякова прижилась к Павлову кличка — Студент. И когда он появился на участке уже в качестве горного мастера, то «старички» его встретили радостно, по-свойски: дескать, глядите, Студент вернулся!

Игорева честолюбия это не то чтобы не задевало, а, как ему казалось, наоборот, нечто родственное вносило в его обращения с бригадой, хотя в глаза, на работе, его величали по имени-отчеству, ну а за кружкой пива нет-нет да и вырвется у кого: «Студент». Но Шалков это нехорошо повернул.

Однажды на утреннем наряде, — Павлов только вошел и еще стоял у дверей кабинета, — начальник полюбоществовал: кто из бригады в прошлую смену на уклоне ремонтировал насос, так как, ему стало известно, что слесарь в ту смену на работу не вышел.

— Да сам Студент, — простодушно ответил бригадир.

— Это еще кто такой? — строго полюбоществовал Шалков.

— У мастера нашего вроде кличка такая, — не видя, что почти за спиной у него стоит сам Павлов, простосердечно стал объяснять бригадир.

— Чтобы я больше никаких «студентов» не слышал. — Шалков тоже не заметил Павлова, а скорее сделал вид, что не заметил. — У нас есть горный мастер Игорь Иванович. А полюбощину вашу тоже кончаю. Сегодня он за вас насос ремонтирует, завтра за лопату возьмется, вместо того чтобы с вас спрашивать, дисциплину налаживать! — И только после этих слов Шалков посмотрел в сторону двери, где стоял Павлов, и как будто разговор шел не о нем, спросил: — Бумаги все принес, Игорь Иванович?

Зато после наряда он задержал Игоря в кабинете. Все ему припомнил: и какой-то просительный тон в разговоре с рабочими, и неряшливостью упрекнул. Сам Шалков в любое время суток на утреннем, на ночном ли наряде на участке появлялся обязательно выбритым и в рубашке с галстуком.

— Уголь углем, но ведь вся твоя и их жизнь здесь, на шахте, практически проходит, Игорь Иванович. Что ты наряд выполняешь — это хорошо, но до поры до времени. Народ

серьезное отношение любит. То, что ты с ним кружку пива выпьешь, а если и не выпьешь, он рассудит как надо, но если он во всем, не только в деле, тебя над собой не увидит — все пропало, тогда беги! Никакие институты не помогут. Тебя же, за твое же доброе он и затончет. Потому как добро-то тоже понимать надо, да по сортам различать!

Со временем Павлов к таким неожиданным шалковским разговорам привык, в первое же время они задевали его самолюбие.

Когда сидящий на конференции рядом с ним Шалков добродушным шепотом поинтересовался:

— А все-таки, как ты додумался до всего этого, Игорь Иванович? — Было непонятно, что имел в виду Шалков: рацпредложение или разговор с Мерзляковым.

Игорь, чувствовавший себя нашкодившим школьником — он все-таки по-своему уважал Шалкова, — признался:

— Как-то само собой, Григорий Фомич, вышло!

— Это у тебя бывает, — согласился Шалков. В тихой хрипote послышалась интонация снисходительного прощения.

Облегчающая щедрая радость улыбкой осветила круглое светлоброе лицо Игоря. Он, застеснявшись, спрятал эту радость. Склонив короткошею голову, пальцами правой руки привычно нащупывая по очереди каждую из двух макушек, пододвинулся в сторону Шалкова так, что тот и лица его не мог разглядеть.

— А правда, у меня это «само собой» со школьных лет. Сам не знаю, кажется, хочешь сделать так, а получается... — Но в этот момент Шалков предостерегающе хрипло прошептал:

— Литвинов на трибуну пошел. Послушаем-ка. Он им сейчас перцу задаст! Самостоятельный мужик и головастый...

Горный мастер ни много ни мало предложил законсервировать пласт! То есть отказаться от того, чем шахта в надежде жила и пыталась жить!

Свои утверждения, что вскрытие пласта было инженерной ошибкой руководства, Литвинов подкреплял кучей таблиц и расчетов,

казалось, убедительно подтверждавших его слова.

— Выгоднее вернуться, мы в этом убеждены, и экономически правильно будет к доработке пласта Обратного! — заключил свое выступление Литвинов. Вряд ли среди присутствующих на конференции на этот раз можно было найти равнодушного. Слова горного мастера задевали каждого. И Шалков восторженно прохрипел на ухо Павлову:

— Брет, подлец, свою идею отстаивает, а как складно врет! Головастый мужик, говорю, головастый!

А Павлов вновь, как и несколько лет назад, в первые дни знакомства откровенно любовался смелостью, решительностью Литвинова, да и просто им самим, — его гордо поднятой красивой головой.

Они познакомились в общежитии, куда Игоря направил замначальника шахты по быту. Видимо, исходя из многолетнего опыта, не очень веря в то, что Павлов надолго задержится на шахте, подписывая один за другим какие-то документы, тот бесстрастно напутствовал:

— Поживешь, оглядишься, с народом общаешься. Народ там у нас преинтересный! Не сбежишь, в соответствующее время будет тебе квартира, в соответствующее! А то у нас всякое бывало. И вообще, как командиру производства тебе будет полезно. Суворов с солдата служить начинал, а в солдатской палатке всю жизнь прожил, уловил?

Литвинов сам пришел к Павлову в комнату и, сидя на раскачивающемся стуле спиной к незашторенному окну, говорил. У другого подобный тон разговора звучал бы назидательно, высокомерно, а у Литвинова же это получалось задумчиво-озабоченно, даже как-то по-родственному.

— С комендантом будь без церемоний. Нас в общежитии с тобой только двое из ИТР. Комендант это понимает, но, как всякий снабженец, страдает манией накопительства. Поэтому брат его надо сразу за горло. Тем более, что требования твои не только элементарны, но и законны. Идем ко мне, и ты на примере убедишься, как я устроился.

В своей комнате, по общежитийским поня-

тиям обставленной даже с шиком: стол, покрытый скатертью, дивана на окне, радиолы, диван-кровать, книжные полки, сервант, — Литвинов, разливая в рюмки коньяк, подытожил их первое знакомство:

— Нам надо здесь стоять одним фронтом. И если ты не возражаешь, то держи меня в курсе всех своих проблем, касающихся быта. Общими усилиями мы с ними как-нибудь справимся.

Энергичное вмешательство Литвинова в павловскую судьбу пришлось как нельзя вовремя. Дело в том, что со дня приезда в Тополинск Павлов пребывал в каком-то растерянном состоянии. С одной стороны — превращение студента в специалиста, ИТР, как говорил Литвинов, узаконенное институтским дипломом, подтвердилось самой жизнью, с другой же — этой самой жизнью вдруг оказался возведенным какой-то психологический порог, разделивший неожиданно, по мнению Игоря, его с той самой бригадой, в которой он работал еще на практике: теперь ему предстояло руководить в должности горного мастера.

Более всего Игорь страдал, таясь даже порой от себя, не оттого, что две трети шахтеров в бригаде были не только женаты, но и намного старше мастера, а оттого, что ему приходилось приказывать бригадиру Василию Чернову, когда-то по-отцовски подбадривающе сказавшему испуганно притихшему в подземной темноте практиканту-мальчишке:

— Ты, главное, учишь слушать, как темнота молчит. Уловишь — быть тебе шахтером, не уловишь — она тебя одолест. И поверь: я это видел, никакой диплом не поможет. Если охота есть, могу научить! Только если есть охота!

А Павлову было просто страшно. Признаться же в этом он, конечно, не мог не только бригадиру, но и самому себе.

Она появилась на другой день после первого, нетерпеливо любопытствующего спуска в шахту, — ноющая, тоскливая внутренняя дрожь. Когда железная подъемная машина — «клеть», вдруг сорвавшись с места, падала в шахтовый колодезь — «ствол», тотчас где-то там, внутри, в левой стороне груди, выкаты-

вался холодный шарик и за несколько секунд падения разливался по всему телу кровавым током, выступая в ложбинке между лопаток остуженными липкими капельками пота. А внизу, на каменной тверди, отгороженной коротким отрезком аккумуляторного луча от того, что было впереди, эта дрожь мягкой тяжестью давила на ноги.

Буднично веселые разговоры шахтеров, начавшиеся еще «на горе» и продолжавшиеся в подземелье до той самой поры, когда бригада останавливалась перед густой чернотой дыры, обозначающей вход в лаву, поражали воображение мальчишки, заполненного предчувствием чего-то страшного.

Состояние практиканта ни для кого в бригаде не было, конечно, тайной, но однако и воспринималось естественно, с грубоватой шуткой, под вид такой: «Сходи-ка на внештук да принеси метану!»

В угнетающий трепет приводил Павлова вид лавы после отпалки. Заваленная углем так, что пролезать приходилось через узкий проход, спиной обдираясь об верхние каменные глыбы, беспомощно, как казалось, подпертые тонкими бревнышками-стойками, — она помимо воли вызывала мысли о тщете человеческих усилий в единоборстве с горой. И если Игорю и не вменялись в те минуты слова матери: «Это ж в каку таку шахту, сынок, ты собрался, она же под землей, та работа!», то только по той причине, что на раздумье не оставалось времени. Приходилось сразу браться за дело: таскать лесины, подавать доски-затяжки, доходило и до лопаты. И удивительное дело: в общей суতোлке, хотя ощущение суতোлки было, по сути, первоначально обманчивым, быстро стал различать Игорь и закономерности. В общей толчее и постоянном страхе на Павлова как-то успокоительно действовал стук топора, хруст дерева под его лезвием. Эта по-деревенски привычная работа постепенно примирила парня с противостоительностью ежедневного риска в горняцком деле. То ли надрубились корни страха, то ли прорубилось окошко в темноте боязни, только первоначальная дрожь утихла и растворялась в самой душе.

Павлов, с которым и в бригаде стали разго-

варивать почти как с равным, уже смирился со своим состоянием. Считая дни, оставшиеся до конца практики, он решил, что по возвращении в институт переведется на финансово-экономический факультет.

Рассуждал Павлов, справедливо исходя из опыта своей жизни, что это будет как раз то самое, что ему и необходимо. Собственно, поступая в институт, он и понятия не имел о том, что вся сущность горняцкого дела — в ежедневной игре со смертью. Может быть, кому-то это и по душе, но для Павлова такой жизненный вариант не подходил, твердо решил он. Все получилось оттого, что выбор профессии произошел как бы сам собой...

Их — пятеро парней и две девушки — цвет лучшей районной школы, выпуска шестидесятого года, поехали в областной центр, напутствуемые педагогами и общественностью, поступать в медицинский институт. И в том случае решающим в выборе был, собственно, единственный фактор — узость выбора — между педагогическим и медицинским. За последним бытовала репутация престижного, подогреваемая родительским тщеславием, расналяемая конкурсным ажиотажем.

Что способствовало ему: то ли наличие двух макушек на его круглой голове или еще что, но так вышло, что случай нашел сам Павлова и в тот раз.

В день появления в мединституте, в вестибюле главного корпуса Игорь увидел плакат, призывающий поступать в Кузбасский горный институт с адресом выездной приемной комиссии. Ни у кого из товарищей Павлова это объявление не вызвало энтузиазма: шахта для деревенских ребят была более чем абстрактная вещь, однако Павлов, протолкавшись день в необозримой толпе абитуриентов, на следующее утро забрал свои документы в приемной комиссии (поступок его товарищи квалифицировали как трусость) и отнес их по указанному в призывном плакате адресу.

После второго экзамена в медицинском трое из четырех его земляков уехали домой в район, а Павлов вернулся со справкой о том, что он зачислен на первый курс горного института.

— Она же под землей, та работа, сынок, — испуганно причитала мать, но отец рассудил:

— Все-таки высшее образование, и, наверное, не сами же инженеры — а он инженером станет, — лонатой достают уголь? Да и в городе все-таки будет жить. Деревни и с нас хватит...

Павлов быстро освоился с городской жизнью. Учился охотно, с любопытством. С восторгом изматывался в спортивном зале, в безмятежном сне на койке в общежитии неосязуемо переживая минуты мужания.

Его мальчишеское тело наливалось силой. В душе была ясность, ожидательная радость предстоящей самостоятельной трудовой жизни.

Но первые спуски в шахту развеяли мечтательные фантазии Павлова. Каждым мускулом, каждым нервом он почувствовал, осязал каждой клеткой под грубой брезентовой «робой» неравенство противостояния человека с висящей над головой бездной.

То, что там было городом — с домами, трамваями, речкой, деревьями, самой землей, — все это на дне шахтового колодца теряло реальную определенность, вспоминалось чем-то ненастоящим, а настоящим была только окаменевшая, довлеющая темнота.

И закономерным стало то, что Игорь пытался для себя найти выход и пошел его. Трезво рассудив, он пришел к выводу, что после практики приложит все усилия и добьется перевода на финансово-экономический факультет, так как искренне признался себе, что слушать темноту у него нет никаких желаний.

Но врожденная смекалка и юношеская любознательность брали свое. Парень работал честно, не отлынивал, к этому он был приучен с детства, поэтому добросовестно таскал на себе лесины с поверхности в шахту, заменял электрослесарей на дежурстве возле моторов, даже самостоятельно научился бурить, то есть просверливать в породе дыры для отпальных зарядов. И вообще, благодаря общительности характера, быстро прижился в бригаде, приобщился даже к пиву, правда, особого восторга при этом не испытывая, и перед сменой в буфете с большим удовольствием пил всегда лимонад.

В столовой, на бугре против автобусной остановки, всегда было в достатке свежее бочковое пиво. После смены и собирались там шахтеры перевести дух. Обо всем там велись разговоры: о затяхках и нормах на бурении, о карасях и окунях, о том, что комбайн под землей так и не прижился, «шахтерский хребет», оказался надежней железной машины: о том, как Медведеву на четырнадцатом участке прислали «исполнительный лист». Но больше всего, конечно, разговоры вертелись около своих забот.

Вот как-то за пивом и сказал Василий Чернов Павлову:

— А ты, студент, будешь шахтером. Чутье у меня: будешь. Вот выжмет из тебя страх, и ты все поймешь!

— А чего тут хитрого. — И Игорь сказал то, что обо всем этом думал: — Если бы не такие деньги, разве бы ты пошел туда? — он подошвы похлопал по деревянному полу. — А у меня на этот счет свои соображения.

— То, что ты парень рассудительный, сомнений не имею, но скажи — а есть работа, которую человек «за так» производит? — Чернову, видимо, в самом деле практикант пришлось по душе. Он с ним в отличие от других бригадников все как-то норовил по-свойски, по-отчески вести разговоры, шутя на подковырки товарищей отговаривался: «Все-таки официально меня наставником к нему определили». Но на этот раз в его вопросе меньше всего прозвучало дружелюбия.

Павлов тоже заговорил с вызовом:

— Наверное, нет такой работы, но есть другое. Есть и более рискованные, может быть, но человек тот риск любит, потому что в нем смысл особый, понимаешь? А здесь, что здесь кроме денег?

— Я и говорю, — вставил бригадир, — выжмет из тебя когда страх — и все поймешь.

— Да не хочу я, не хочу. Я и так понял, не нужны мне эти деньги и всю жизнь из-за них в подземелье проводить не хочу, — заальчиво почти выкрикнул Павлов.

— Тебе видней, но как я тебя вижу, парень, в напарники немного погода я бы тебя уже мог взять. А кричишь от петушенья, это

пройдет, — не унимался отстаивать свое бригадир.

В тот момент в небольшой зальчик пивной набилось уже много мужиков, и двое из них громко заспорили из-за пустых пивных банок. Чернов с Павловым тоже обернулись на голоса.

— Истр, — узнал Чернов одного из спорщиков, — Буслаев, слышь, иди сюда, остынь, прими одну! — Чернов менее шести банок за раз не брал.

Буслаев повертел головой, видимо, узнал Чернова, но отмахнулся, продолжая отстаивать свое в споре.

— Горячий мужик, — сказал Чернов, — надо спасать, а то и до рукопашной дойдет, — и плечом втиснулся в толпу.

Разговор этот случился буквально за неделю до окончания срока рабочей практики Игоря. И забываясь, затенился, не принимаемый мальчишеским сознанием, не в пример тому, что случилось через несколько дней.

Смена от многих если и отличалась чем, так это редким за последнее время благополучием. Уже после случившегося с удивлением отмечали это, а вначале, увидев под погрузочным люком «порожняк», целую цепочку пустых вагонеток для погрузки угля, просто обрадовались, казалось, что и механизмам передалось настроение людей, так ладно, в полную силу гудел двигатель главного транспортера.

Угольные комки, всыхивая изредка ребрами под лучами аккумуляторной лампы — Игорь еще не перестал замечать эту игру, — катились непрерывным каменным потоком по заваленным (после отпалки) железным желобам к погрузочному люку.

Павлов на несколько метров впереди Чернова, сидя на коленях (высота лавы в рост не позволяла работать), ритмично, как это делали заправские навальщики, уступая, конечно, им в споровке, разворачиваясь всем корпусом, кидал уголь лопатой на желоба рештаков. Так как было самое начало смены, в мускулах его еще жило желание игры, подогреваемое азартом. Поэтому он не сразу услышал оклика Чернова:

— Павлов, вниз!

Не успев даже оглянуться, только услышал, как кто-то ухватил его за ногу, крича: «Вниз!».

Не вникая в суть дела, он кубарем подкатился к Чернову и, видя, как тот быстро ползет куда-то в сторону от забоя, заторопился за ним. В какие-то секунды они оказались в завале.

— Вырубай! — что есть мочи кричал бригадир и тревожно сквозь непонятный металлический скрежет пролетел его крик по лаве: «Вырубай-й-й!» — пока скрежет металла не измял, не сломал человеческий голос.

Неловко согнувшись в узкой щели завала на глыбах породы, бригадир и Павлов высвечивали в промежутках между стоек кусок пространства лавы, полившегося возрастающим гулом и треском, шумом падающих камней. Произительно скрежеща, вздыбливались из-под угля железные ребра рештаков и вдруг, словно бумажные листочки, свернулись в огромную ужасающую гармошку. Еще через мгновение рештачная цепь огромными звеньями засверкала почти под самой кровлей лавы, и звонкий треск стоек, сбиваемых железом, зазвучал финалом симфонии разрушения, и так же внезапно все смолкло, и шипенье породы, сыпавшейся откуда-то сверху, слышалось добродушно успокаивающее.

— Закупило, слышь, досыпает... — определил бригадир, направив свет лампы туда, где еще несколько минут назад они грузили уголь. Свет уперся в белесо-черную каменную стенку.

— Ну, вот и дали полтора плана, мать его за ногу, — сокрушался кто-то из бригадников, когда минут через тридцать-сорок все звено собралось на откаточном штреке.

— Благодарю бога, что ноги унес, — незлобно откликнулся другой из темноты. Они сидели на «почве» (в отличие от «кровли», то есть верха, — Игорь вначале удивлялся такому наименованию — так назывался низ шахтовой выработки, хотя и то, и другое было камнем), наваясь на деревянную обшивку боковины штрека, привычно опустил рядом лампы светом вниз. — Помнишь, Чернов, как в сто шестнадцатой сыпануло? —

продолжал тот же голос. — Против этих «куполов» удержу еще не придумали, а может, и не придумают!

И в этот момент раздался смех. Такой неожиданный, такой неуместный, что все, схватившись за лампы, словно бы луч света мог отгородить их от какой-то беды, высветили то место, откуда он послышался.

Павлов, оборвав смех, зажмурился от светового всплеска, но улыбка, это все видели ясно, белозубо блестя на затемненном угольной пылью лице.

— Ты, парень, чо? — испуганно, не двигаясь с места, спросил Круглов, прервавший рассказ о случае в сто шестнадцатой лаве, — худо тебе?

Павлов молча выдвинулся из светового круга.

— Парень-то, Чернов, того, — подытожил Круглов.

Бригадир командовал:

— Уберите свет. И не мели попусту, — сам подошел к Игорю, приобнял того за плечи.

— Ты тоже думаешь, что я того... — шепотом спросил Игорь Чернова.

— Я думаю, что уж больно ловок ты, так шустро на четвереньках бегаешь, — шепотом же ответил ему бригадир.

— Знаешь, вот скоро уеду, а на посадке лавы так и не побывал, — почему-то в том же тоне продолжал Павлов. А бригадир ответил ему вслух, потому что знал: ждут другие, насторожились:

— Сегодня похлеще было, но ты молоток, по-мужски держался.

— Я, понимаешь, — тоже громко заговорил Павлов, — сижу и перед глазами все железяки кувыркаются и цепь, помнишь, прямо по воздуху, и все это в щелки, в лепешку, а мы хоть бы что! Я вот этой дыры всегда боялся. — Он сунул рукой в темноту, в другую сторону, но все поняли, что речь идет о ходке в лаву, — как подходим, вроде бы куда-то навеки голову прячу. А сейчас сидим, и мне вроде бы все нипочем, железо в лепешку, а мы-то хоть бы что, хоть пиво нам сюда подавай, сидим себе. Когда о пиве вспомнил, и стало мне смешно!

Игорю не дано было знать тогда, что с этого момента он никогда больше не услышит

при спуске в шахту ноющую тоскливую боль, как не знал, что не станет переходить на финансово-экономический факультет, и как не мог предположить, что при распределении после окончания института ему вдруг выпадет Тополинский трест, откуда направят его на «Восьмую», где первым на участке, кто его встретит, будет Василий Чернов, который удивленно и радостно объявит:

— Смотрите, ребята, Студент вернулся!

В той же самой столовой, на бугре перед автобусной остановкой, они пили пиво. Чернов, вовсе не изменившийся, все такой же резкий в движениях и многозначительный в разговорах, спросил:

— Ты, Игорь Иванович, случаем не помнишь наш один разговор на этом месте?

Павлов, у которого обращение по имени-отчеству все еще вызывало виноватую улыбку, чистосердечно признался, что не помнит, и удивился, что не забыл о нем Чернов.

— А тогда меня за живое малость задело. Я, конечно, понимал, что все это по глупости, но все-таки... Мы ведь теперь одной веревочкой связаны, да еще и тебе ее дергать. А нам это не безразлично, Игорь Иванович.

Павлов не очень понял слова бригадира, но тем не менее они отчего-то немного смутили его. И чтобы скрыть смущение, спохватился:

— Пойду-ка я пивка еще повторю, — и стал собирать пустые поллитровые банки, заменявшие пивные кружки.

— Чего ты суетишься, Игорь? — остановил его, молча пивший за этим же столом Литвинов, — допьем, и бригадир организует. Ты все обязанности перепутал, — его подбородок как-то вздрогнул, и ямочка посередине обозначилась четче, — твоя забота в лаве все так организовать, чтобы у бригады на хлеб с маслом было, ну а здесь инициатива полностью в руках у него. Прав я или не прав? — свой вопрос он обратил к Чернову.

— Тот, я думаю, прав, у кого больше прав, — весело скаламбурил бригадир, — все сейчас сделаем в лучшем виде.

— Да что вы, мужики, какая к черту субординация, — запротестовал с присущей ему непосредственностью Павлов, но, мельком взглянув на Литвинова и встретив неодобри-

Челный взгляд его, почему-то быстрее, чем того требовали обстоятельства, заспешил к прилавку. Но еще его больше подтолкнуло возникшее вдруг чувство виноватости перед Литвиновым и перед бригадиром, чувство, которое потом не раз в самых различных обстоятельствах вдруг посещало его в течение всех тех трех лет, которые до самой женитьбы он прожил в общежитии, когда почти все свободное время они проводили вместе с Литвиновым. Объяснял это сам себе Павлов своим неумением подобно Литвинову быстро ориентироваться в обстановке, разбираться в людях, а более всего своей простоватостью, о которой не однажды говорил ему Литвинов, установивший в их дружбе своеобразную такую, жестокую искренность. Правда, пользовался этим правом преимущественно сам, особенно первое время. Это и послужило причиной того, что Павлов, в какой-то мере даже знакомством со своей будущей женой обязанный Литвинову, после женитьбы очень быстро отдалился от друга-приятеля.

При встречах же у них всегда находился повод для разговора, и сводилось все больше к шахтовым делам. Да и чаще всего встречались они на шахте.

Сегодня, возвращаясь вместе с Шалковым и Мерзляковым с участка (Павлов все-таки показал Мерзлякову свою придумку), недалеко от главного подъема они нагнали группу шахтеров, в числе которых Павлов признал и Литвинова.

После конференции, от которой у Павлова остался на душе неприятный осадок — результат его неудачного разговора с Мерзляковым, прошло уже больше недели.

На участке разгорелись страсти, которые мудрый Шалков умело сдерживал и тянул свою линию. После расформирования бригады посадчиков распределили их по рабочим местам: на участке лаву стали садить по павловскому способу. Вчера в ночную смену (на посадку Шалков всегда ходил сам) он после наряда, когда бригада пошла уже одеваться, сказал Павлову:

— Сегодня, Игорь Иванович, Мерзляков с нами пойдет. Он сейчас у дежурного по

шахте. На твоё приглашение откликнулся. — Игорь в который уже раз убедился, что начальник участка ничего не забывает. Новость обрадовала и взбудоражила его.

Такое по-житейски уютное слово «посадка» на самом деле в шахте представляет тяжелейшую и, главное, рискованную операцию. «Грудь в крестах или голова в кустах» — руководящий принцип работы посадчиков, поэтому и народ собирается соответственный: в другом деле, что называется, оторви да брось, а здесь самый пужный, рискованный, отчаянный. В забой «на лопату», то есть уголь грузить его не заманишь, а вот с миллионпунктовой горой, что над головой висит, в жмурки играть — пожалуйста...

Выбрали забойщики в лаве уголь, и над пустотой этой тяжело нависает гора, поддерживаемая чурками-стойками... До поры до времени она висит, пока у нее терпения хватит, ну а если грохнется вниз, беды не миновать. Так вот, чтобы все-таки предупредить гору, и обрушивают ее шахтеры сами — «сдают», как они говорят.

Пригласить ее «сесть» — большая наука, главным в которой не столько законы — они, конечно, имеются, — а чутье, опытом, страхом нажитое чутье. Всего-то у посадчика орудия против горы — один топор! Вот и идет он с ним в лаву, оттуда все лишнее долой от греха подальше, и начинает он рубить стойки! Те самые лесины и чурки, что с великим трудом крепились под кровлю подтыкаются для подпорки горы. Выходит, что он гору будто бы на обрыв вызывает. А сделать это надо так, чтобы обвалылась она в нужное время. Не на башку тебе! Рубит посадчик, к горе прислушивается, чтобы не опоздать, да и не опередить ее желание. Это хуже некуда, когда, случится, комплект вырубят, а кровля висит, «не садится»! Майты тогда на участке много, а угля-то нет!

Зато когда все в норме, смену, когда две, управляют посадчики: новый комплект стоек выставляют, старый подрубают: трах, бах! Заходи забойщики, давай уголь, а мы пока отдохнем-погуляем! Вот что такое посадка и посадчики, а Павлов надумал без них лаву садить!

— Григорий Фомич,— после долгих проволочек все-таки решился он сказать Шалкову,— если верх стойки подбурить и патроном пальнуть, то лаву и посадить можно!

— Долго думал? — подозрительно поглядев на горного мастера, недоверчиво-шутливо спросил Шалков.

Когда же Павлов признался, что он тайком уже свою идею проверил, правда, не на всей лаве, начальник участка всерьез вснылился:

— Ты мне эти научные изыскания прекрати! Чтобы я и не слышал! Людей покалечишь, а отвечать-то мне, пока я еще начальник...

Дело было в том, что опыты свои Павлов проводил в рабочую смену. Он, конечно, делал все с самыми строгими предосторожностями, но в самоуправстве его все-таки доля вины была. И тем не менее отходчивый и мудрый Шалков построжился, а тут же собрался посмотреть «изыскания». Они вновь попробовали сначала на небольшом отрезке, Шалков торопиться ни в чем не любил, а уж потом взарядили всю лаву.

После взрыва, когда вернулись в лаву, увидели — она села, как обрезанная.

— Ну, Павлов, ниши заявку на рацпредложение,— одобрительно подвел итоги Шалков.— Пока кровля позволяет, будем по-твоему садить. Фонд зарплаты экономить, посадчиков как таковых ликвидируем!

Доволен остался павловским методом и Мерзляков. Парторг прекрасно понимал, что идея эта недолговечна и существование ее полностью зависит от горно-геологических условий. Однако привлекала его, так сказать, психологическая подоплека. Сам факт нестандартного разрешения обиденного, привычного; факт командирской инициативы, проявленной молодым специалистом, виделся Мерзлякову любезным его душе фактом активизации инженерной мысли, симптомом приживления специалистов на шахте.

Обо всем этом парторг говорил пространно, как-то возбужденно, с отступлениями в почти фантастические перспективы, до самого того момента, как они, возвращаясь с участка к подъему, догнали группу Литвинова.

— Чепэ у нас, Виктор Степанович,— разглядев среди подошедших парторга, объявил тот.

Годы, прошедшие с момента появления Павлова на «Восьмой», превратили озаренно-предполагаемой радостью предстоящей жизни Студента в раздавшегося в плечах, трезвомыслящего молодого мужчину, в горного мастера, обнаружившего азартный вкус к разматыванию неразрывных нут ежедневных забот о крепежном лесе и о взрывчатке, о ремонте насоса на уклоне, к спорам с нормировщиком по нарядам о вечно отсутствующем порожняке, об угле. Не подмечаемая ни глазом, ни расторопной мыслью, повседневная работа эта незаметно ленила душу и характер Павлова.

Как и большинство из окружающих его, Павлов все больше обзаводился привычками и привычками, порожденными условиями шахтерской работы, бытом шахтерского городка. И деревня его, в полсутках езды по железной дороге, все более отдалялась, в сознании изредка (главным образом в моменты наезда родителей) будоражила память веселыми видениями отошедшего детства.

Шахта, ужасающая мальчишеское воображение, беспросветная бездна, как оказалось со временем, была одной из обыкновеннейших рабочих площадок — не хуже, не лучше любой другой.

Такие моменты, как неожиданное известие Литвинова о несчастье (подобное и самому Павлову встречалось немало), вызывали в Игоре протест. Он даже досадовал: прервался интересный, по-особому доверительный разговор, длившийся весь долгий путь от погрузочного люка сюда, до последней разминки перед клетью. Но это ощущение было недолгим. Это длилось мгновение. То самое краткое мгновение, когда кажется, из-за того, что оно долго длится, не хватает в груди воздуха.

И как раз тогда, когда Мерзляков глубоко вздохнул, Литвинов его опередил:

— Обошлось без жертв, Виктор Степанович, вот только одному руку чуть помяло, но, как видите, идет почти на своих двоих. А вообще, Виктор Степанович, еще два дня

должны были работать, по паспорту целых две лены оставалось взять. Вот он — сумасбродный Еланский! Обрезало, как по маслу. А на конференции решения писали.

— Да что ты заладил: конференция, душу твою на растопку! — выдохнул наконец Мерзляков, но тут же уже более спокойным тоном: — Не бумагой же гору держать, думать надо! Семко знает?

Литвинов размеренным, всегда исполненным внушительного самообладания тоном объяснил, что и начальник участка, и главный инженер вместе со спасателями на месте, а он вынужден сопровождать пострадавшего, хотя в общем-то все и обошлось благополучно.

Последние слова его, произнесенные дважды, как бы прорвали круг молчания, все почти разом заговорили, перебивая друг друга кто вопросами, кто подробностями...

Литвинов с бригадиром Столбовым были на лесоспуске соседнего седьмого участка. Они пришли в работе поглядеть тормозные «шторы», придуманные на седьмом для сдерживания по спуску лесин. Сложности особой не было, разговор преувеличивал все, но они решили еще раз посмотреть: должны были начать спускать новую партию леса, когда кто-то из лесодоставщиков крикнул:

— На четвертом опять завал! Сашку Иванова накрыло!

Они бежали, почти не разговаривая, по безлюдной темноте выработки, спотыкаясь и скользя по породным камням. И горный мастер, и бригадир думали об одном, но как это всегда случается, ход их мыслей определялся сугубо личными заботами:

— Обидно, черт возьми, — съехав в очередной раз подметкой с крупной породыны и при этом чуть не упав, чертыхнулся Литвинов, — за разгильдяя отвечать придется!

Иванов был сущим наказанием в бригаде. Занолошный, шумливый и при этом ленивый на работу мужик, он опять прогулял накануне. Литвинов его держал в бригаде только потому, что, чувствуя за собой постоянный грех, Иванов безропотно соглашался и на перекренку, и на чистку канав — на всякую

пустую работу, на которую настоящего забойщика посылать жалко, а без нее, как без мусора в любом деле, не обходится.

— Не разгильдяйствовал бы, так, может быть, и не придавило! — в тяжелом передыхе откликнулся бригадир. Ему, сорокалетиястелетнему, по сравнению с молодым Литвиновым — одним из лучших игроков шахтовой сборной по волейболу — пробежка эта давалась трудней. — А все-таки Тимофей ему за дело хлебальник-то начистил, — вспомнил он недавнее, — только ведь Сашке это все как мертвому припарка!

— Ну, не дай бог! — испугавшись, Литвинов даже сбавил шаг, подумав о Сашке в завале.

На этом их мысли и объединились, то есть и Столбов об Иванове теперь стал думать как о пострадавшем. Ему ясно представился рыжеголовый ершистый мужик, вспомнилось, что у него трое детей.

— Снизу будем в лаву заходить? — спросил он, а может быть, и предложил, и Литвинов согласился, что лучше, конечно, попробовать снизу.

Однако снизу завал наглухо запечатал лаву. Они побескали наверх. Там, в тесноте заваленного крепежным лесом штрека, перед входом в лаву, в настороженном молчании сбилась в кучу вся бригада. Из зева лавы доносился негромкий гул, точнее даже не гул, а шорох медленно сыплющейся породы. Луч лампочки горного мастера высветил по очереди из темноты одно за другим чумазые угрюмые лица шахтеров.

— Ну, чего ты! — в беспомощной злобе заворчал кто-то, приняв высматривание мастера за молчаливое осуждение, — на ходу родимая! Попробуй, сунься! Ему уже не поможешь, а тебя как миленького накроет, слышишь, гудит?

Литвинов опустил лампу светом вниз, как это сделали все, ни слова не сказав, присел на бревно. Ну чем он мог возразить на это справедливое замечание? Упреки? Какие тут упреки, когда каждый из них мог оказаться на месте Иванова и когда каждый из них бессилен перед этим коварством подземелья? Он спросил:

— Спасателей вызвали?

— Звонили,— отозвался кто-то.— А его и не слышать. Видно, сразу...

И неожиданно из темноты послышалось, как кто-то встал, и это оказался Столбов. Он вдруг заявил:

— А схожу-ка я в лаву, погляжу...

— Сядь, Михалыч,— сердито крикнул Литвинов,— одного нам хватит, куда тебе еще, тоже мне — герой!

— Погоди, Васильевич, чего шуметь,— бригадир уже прикренил лампочку к каске,— я ведь не без головы, что ты думаешь, жить, что ли, надоело...

Он не умел этого объяснить, но как с ним не однажды уже случалось, он вдруг услышал в шуме породы какой-то передох, что ли, словом, то, чего не слышал никто из бригадников. Он инстинктивно почувствовал подходящий момент, после промедления которого уже ничего нельзя будет сделать...

— Вы мне лее кидайте, чтобы без задержки, а я попробую,— с этими словами и ушел бригадир.

Мгновенного взгляда, того взгляда опытного, знающего дело человека, было достаточно, чтобы сообразить, где и как можно попробовать ввязаться, чтоб «остановить» лаву, притормозить завал. Стук топора в лаве разрубил будто гнетущую мелодию сыпящейся породы и если не отогнал охвативший сидевших в штреке страх, то подтолкнул их к действию. Нет, никто не кинулся вслед Столбову в лаву, но одна за другой постели вниз лесины.

Природа и человек в который раз встали один на один. Это был тот миг единоборства, тот неосмысленный, яростный, исполненный отчаяния шаг, когда человек, вдруг отрешаясь от своей смертной сущности, воспринимает силой духа, ослепленный азартом борьбы.

Столбов ворочал бревна, выкладывая из них клетку так, будто с ним рядом работали по крайней мере двое помощников. Упирал бревно в неотразимо надвигавшийся камень, тот самый, что совсем недавно, сломав все нагроможденные людьми подпорки, показал им свою темную силу. И с этой силой мерялся Столбов. Ряд за рядом он клал бревна, пока

не поднял клетку к самой кровле и не подпер ее!

Широко и прочно встала рукотворная опора — «костер», заткнула, повязала каменную силу! Завал остановился...

И как только стукнул, уже для проверки прочности по затяжке, вжавшейся в камень, Столбов почувствовал это, он услышал неожиданно из-за каменной насыпи человеческий стон!

— Живой,— во всю силу запыленных углем легких заорал бригадир,— Сашка живой! — и, схватив лопату, вонзил ее острый совок в породу.

Никто толком потом не мог вспомнить, сколько прошло часов с тех пор, когда, начав копать, Столбов все-таки вырыл трехметровую нору в каменной куче и по ней добрался до Иванова. Тот лежал под сломавшимися над ним углами лесинами-стойками. Ноги его были прочно присыпаны породой.

Дальше уже и копать было опасно. Столбов ползком добрался до Сашки, обхватил его со спины обеими руками под мышки и крикнул спасателям:

— Тяните!

Вытащили Сашку в штрек без сознания. Когда тот, полежав на бревнах, пришел в себя, он сел и вдруг заплакал, лихорадочно ощущая свои босые ноги, так как сапоги остались в завале.

— Конвоируй его, Литвинов, на-гора,— распорядился Семко — начальник участка,— нуру человек с собой прихвати и достаточно. А мы здесь с бригадиром покумекаем, чего вы, соколы, кажу, на мою голову напортачили!

В мойке разговор больше всего и вертелся вокруг этого ЧП, совсем затенившего павловский триумф. И предложение парторга Литвинову взять на рыбалку с собой Павлова Игорь расценил все-таки как своеобразное проявление Мерзляковым внимания к нему и к его идее, которую они смотрели в лаве уже в деле. Поэтому он счел необходимым вмешаться в разговор парторга с Литвиновым, когда Мерзляков вдруг высказал сомнение по

поводу целесообразности поездки на рыбалку.

— Разбираться, Виктор Степанович, конечно, надо, но разве не о том на конференции речь шла? — вступил в разговор Павлов из чувства солидарности с Литвиновым. — Главный инженер заявил: «За всю жизнь более коварного пласта не приходилось встречать!» А может быть, на этом пласте как раз и проверяется наша система? Согласитесь, наконец, что она консервативна, вся эта неприкосновенная стратегия, которая, как мы видим, не выдерживает испытания практикой, нужно оперативное, творческое, интуитивное вмешательство!

— Вот мы и будем вмешиваться! — раздирая крупнозубой расческой кудри, подтвердил парторг, — а инициативу, — кто против нее у нас может быть? Главное — проявляй!

— Игорь Иванович у нас проявляет, — все еще вытирая пот с лица, заметил Шалков, при этом как-то многозначительно поглядев на парторга. Ему показалось, что он понял намерения Мерзлякова.

Павлов все-таки сказал:

— Что же касается рыбалки — у каждого свои планы.

Но Мерзляков, продолжая почему-то упорствовать, перебил его.

— В планы мы всегда можем внести коррективу, не так ли, Николай Васильевич?

На что Литвинов незамедлительно откликнулся, при этом по-дружески весело взглянув на Павлова:

— Это всегда в наших руках, Виктор Степанович.

— Вот это мне нравится, и на рыбалку, учитывая счастливый исход печальной истории, мы все-таки поедем, — весело заключил Мерзляков.

Так само собой вышло, что Павлову пришлось отправиться на рыбалку.

II

Доехав на мотоцикле с Шурой и ее братом до старого городского центра, где между гастрономом и кинотеатром каждым летом стихийно возникал ягодно-овощной базарчик, Валия Павлова распрощалась со школьной подругой.

Не спеша, зная обыкновенные места рыбалки возвращаться поздно, Валентина не стала сворачивать к деревянному мостику через шахтовый ручей, откуда до дома было ближе, а направилась вдоль улицы, — неожиданно обнаружила, что она чуть ли не одна движется навстречу странной толпе.

Не вдруг-то и определить было эту странность. Толпа была разноцветна, разнолика, с охапками веток, с букетами из трав и редких летних цветов, раздерганная на группки, на пары. И при всем при том алый след уходящего дня, воспаленно оставшийся на всех одинаково беззаботных, радостно уставших лицах, неосознано двигался со всей этой людской общностью, высвечивал необычайностью дышавшую уже вечерней прохладой городскую улицу.

— Это же из-за речки парод, — догадалась Валентина, — с воскресного гулянья! — В их первое с Павловым после женитьбы лето за рекой в густых зарослях черемухника открылся ресторан, Павловы раза два побывали в нем. Но кроме воспоминаний о долгом ожидании паром, у Валентины в памяти ничего приятного от походов не сохранилось. Сейчас она глядела на встречных даже с некоторым сожалением, вообразив пережитые ими мытарства в очередях за водой, за пивом, под палящим солнцем, на галечнике. Она видела, как на площади возле бочки с квасом, около автоматов с «газированной» толпа эта вдруг начинала терять свою беспечную общность, и хотя на каждом лице еще явственно румянились следы бестревожного отдыха, суета очередей уже включала каждого в обыденный ритм забот.

Неожиданно из-за огромного зеленого букета, редко расцветенного синим и коричневым, преградившего Валентине дорогу, выглянуло веселое личико Светланы Жигулевой. Острый носик фиолетово шелушился, смешно выглядывал из-под темно-синих, в пластмассовой оправе, очков.

— Валентина! А мы из-за Кондомы, — синяя очки, за которыми в густо покрашенных ресницах прятались серые с коричневыми крапинками небольшие глазки, вместо приветствия объявила она. — Напрочь сгорела.

Опять буду облазить и уже в который раз! Ну что за кожа! — Она при этом оглянулась на стоявшего за нею густо загорелого, огромного по сравнению с ее крошечной изящной фигуркой молодого мужчину в белой нейлоновой рубашке с закрученными до локтей рукавами, в соломенной шляпе, из-под которой на Жигулеву молча покорно и грустно глядели круглые черные глаза.

— Народу в «Черемухе» — уйма! У нас вначале компания была, правда, мы быстро от них на берег сбегали! Ну, накупалась я сегодня, чуть не утонула, представь себе, чуть не утонула. — И опять поворот головы назад и вверх, взгляд на своего спутника и потом быстро вновь на Валентину с желанием по ее лицу определить, какое же впечатление на нее производит этот молодой человек. Заметив, что Павлова улыбается — Валентине почему-то смешным показался этот молчаливый страж за Светкиными обгорелыми плечами, — Жигулева представила его:

— Это Женя! — и с нескрываемым нетерпением человека, испытывающего жажду, она объявила спутнику: — Тебе за сигаретами ведь надо сходить! А мы немножко поговорим...

Жигулева, в детстве Светка Карташова, — соседка Валентины еще по старому зварькинскому дому. Они встретились на первом для Валентины шахтовом комсомольском собрании в большом полупустом зале Дома культуры. Валентина, недавно начавшая работать в шахтовой библиотеке, чувствовала себя в окружении совсем незнакомых парней и девочек настолько одинокой, что встреча с шумливой, безостановочно говорившей Светкой для нее стала самым настоящим праздником.

Та налетела на нее, искренне обрадовалась. Светка всегда была искренна в своих самых бесшабашных поступках, как впоследствии не раз убеждалась Валентина. Прямо вода за руку, она познакомила Валентину чуть ли не со всеми ребятами, включая и своего мужа — тихого, светлоголового очкарика, инженера отдела главного механика; в промежутках между знакомствами успела все рассказать о себе: и как окончила медучилище, и как Юрка — ее муж — помог ей убежать из деревни

и устроиться в медпункт на шахте, и как на областном смотре получила грамоту — она солистка в ансамбле, и много чего — уже из шахтовых историй — поведала Светка.

На свадьбе у Павловых вместе с Литвиновым она была главной запевалой и плясуньей. Отношения их, большей частью от скрытности характера Валентины, так и остались на той грани знакомства, которая, допуская доверительность, все-таки не переходит некий сокровенный порог. Но для Жигулевой это никогда не было препятствием для самых оголяющих откровений. Она могла на несколько месяцев пропасть, потом вдруг заявиться с какой-то срочной просьбой и просто посоветоваться, а то и вот так, встретившись на улице, заговорить своими историями и переливаниями, которых у нее всегда было предостаточно.

Теперь она во всеулышание восторгалась тем, как замечательно и «стильно» выглядит Валентина, потом стала выговаривать ей за то, что в гости никогда не заходит, хотя и раньше Валентина бывала у нее всего раза два, и то, когда Светка сама затягивала ее силой.

— У нас гарнитур новый — «гадезровский», — Жигулеву на шахте устроили, полностью вся квартира, между прочим, сам-то Жигулев сейчас в Болгарии, мы с ним по очереди отдыхаем. В прошлом году я ездила, в этом — он. Езжай, говорю, по Сашку пусть мать забирает, все-таки лето, а у меня отпуск осенью, что ж мне теперь и не позагорать? Свекровка любит Сашку, она увезла, еще Жигулев дома был... А что ты скажешь про этого? — Светлана кивнула за спиной маленькой головкой с пышной кучей обесцвеченных волос, собранных на затылке в хвост. — Мы в Болгарии и познакомились. Врач-рентгенолог, имей в виду, если что. Влюбился с первого взгляда. А ревнивый, с ума сойти! К Жигулеву ревнует, представляешь. Пристал — уходи ко мне, и все! Но ты же знаешь, я не дура! Жигулев у меня мужик ручной, а этот — зверь, с виду тихий, а зверь! Я его в ДК к нам уговорила ходить, в агитбригаду. Девчонки от зависти визжат! Селезнева, знаешь, эта красавица из

ламповой, все вокруг него увивается. Мне передают, она говорит: «Ну что он в этой пиналде, то есть во мне, нашел?!» А я думаю, пате вот, выкусите! На репетиции только в новом! На каждой. Парням начну глазки строить, Женька кипит, а Селезнева, не поверишь, аж зеленеет! Он хоть и дикий, но я его в руках держу. Лишнего не позволяю и не отпускаю далеко. Люблю, когда мужики вокруг меня, ну, хоть вот убей...

Валентина увидела, как от гастронома в их сторону быстро идет Евгений.

— Торопится! — почти единственное за все время слово произнесла Павлова.

Светлане показался подозрительным ее тон. — Осуждаешь? — остроносое личико Жигулевой приняло воистинное выражение.

— Да что ты! — отмахнулась Павлова. Она и в самом деле даже не успела подумать как следует обо всем этом. — Каждый по-своему живет!

— Это верно! Я хочу жить так, как хочу. Вот все люди за рекой, выходной, а ты с сеточкой по магазинам, да?

— Это я от мамы еду, — отчего-то стала оправдываться Валентина.

— Ну все равно. А Павлов? С друзьями на рыбалке, да?

— На рыбалке, а ты откуда знаешь?

— Господи, вроде бы они не все одинаковы. И у меня Жигулев рыбак. Да еще и шахматист. А я нет! Ты на рыбалку, а я — за реку. Я ведь тоже человек. До чего они, мужики, эгоисты. Пока в женихах, ну на руках готовы таскать, вспомни, как тот же Павлов к нам за реку мотался, помнишь?

— Ой, когда это было, вроде бы как и не было, — напоминание Жигулевой о том лете, когда они обе поехали вожатыми в пионерский лагерь, не вызвали у Валентины никаких эмоций. Мелькнуло что-то в памяти, как будто ненароком и совсем не к месту попала тебе в руки старая фотография.

— Ну, мы двинулись, — Жигулева обернулась к Евгению как раз в тот момент, когда он молча остановился за ее спиной. — А знаешь, что? В следующее воскресенье мы за тобой зайдём... Верно, Женя? Зайдем и все. Каждый человек должен отдыхать культурно.

У меня еще две недели в запасе, — воинственно вздернула ручку Жигулева, — они помешались, наши мужики, на своей шахте, а мы им противопоставим организованное сопротивление, идет, Валечка?

— Да заходите, можно в любой день. Я и в самом деле вечерами почти всегда одна. Между прочим, Павлов недавно радиокомбайн купил. Приходите, пленки с новыми записями Окуджавы послушаем, Павлов же и привез.

— Привет ему, — махнула ручкой Жигулева, и как-то быстро затерялись они в толпе. А Валентине вдруг стало так одиноко, так захотелось скорее домой, и чтобы там уже ждал ее Игорь. Она так и вообразила: сидит он на диване — хмурый, голодный, без нее он никогда не поест, и выжидательно смотрит на дверь.

— Не люблю дом без тебя, — вспомнились ей слова мужа. Но тут ей показалось, что она увидела, как впереди мелькнуло сиреневое Светкино «кимono». С тех пор, как она замужем, господи, неужели всего три года — не вечность — прошли?

Опустился закатный занавес на окна домов на противоположной стороне улицы, и будничная серость вечера ровным теплым дыханием залила все вокруг.

Игоря дома, конечно, еще не было. Он ушел, по привычке не разбудив ее, и мать Валентину обманула, сказав, что муж ей посоветовал проведать тещу. На темно-блестящей доске стола в большой комнате по-прежнему белел бумажный листок его записки: «Уезжаю на рыбалку. Не скучай, поезжай к матери. Целую».

— А я и не скучаю, — вслух сказала Валентина. В тишине пустой квартиры слова прозвучали по-чужому одиноко. Но Валентина не умела грустить. Некоторая скрытность ее характера с детства приучила ее находить определенную радость в одиночестве, а когда в ее жизни появились книжки, то они ей во многом заменяли подружек, хотя и знакомств она никогда не чуралась, но за всю жизнь, пожалуй, ни к кому очень сердцем не прикипела. Она удивительно умела как-то жить сама по себе, незаметно и скрытно. Как цветок клевера отцветал за домом на косогоре, что-

бы высеять свои семена, так она выходила из детства. И как из речного брода подымались они с Мишкой Столбовым на ягодные берега, так выходила она из юности.

После окончания десятого класса, попытавшись поступить в Кузнецкий пединститут, Валентина, провалившись на экзаменах, без особого разочарования вернулась домой и стала работать в шахтовой библиотеке. И если это и не оказалось воплощением мечты, просто потому, что ясной мечты у нее и не было, то и неприязни к своему делу она не испытывала, так как давно уже жила, сопереживая с Кожаным Чулком, Анной Карениной, с коварной Миледи...

Под влиянием чтения у нее развилась склонность к уединению, мечтательности. В детстве это были тайники с тряпчонными игрушками в старом сарае, в зарослях боярки за домом; потом уже, когда начала ходить в школу, сидение на скамеечке подле матери и непреднамеренное подслушивание за притворным усердным чтением учебников ее разговоров с соседками. И как-то по-другому, она это чувствовала, ее вдруг начало волновать соседство Мишки Столбова у костра, который они зажигали в майские, еще пахнущие зеленой прохладой вечера на косогоре за столбовским огородом, подле старой ели, той самой, в тени которой она впервые и поцеловалась с Мишкой.

Когда Мишка, безвылазно толкавшийся в кабинете физики с паяльниками, отвертками, ремонтируя модели и приборы, на экзаменах за восьмой класс по той же физике едва вытянувшийся на тройку устроился работать на шахту учеником электрослесаря, об их «дружбе» в школе заговорили с многозначительными намеками. А Валентина нетерпеливо, но скрытно переживала пугающие и в то же время радостно-притягательные ожидания встреч, наполненных невыразимо тревожными разговорами, щемящей радостью молчаливых слез, ощущением головокружительной пряности обмирания от прикосновения Мишкиных рук.

Опрометчивость ее поступков, наконец, обратила внимание даже отца, до того будто

не замечавшего, что у него в доме растут дочери.

Игрица на зеленом бугре, костры под сенью старой ели, от которой брала начало трона в город, для поселковой ребятни были что-то вроде ритуала. Отсюда в неизменную пору повзросления отправлялись большей частью девушки в город, через гору, через лес (туда и обратно километров пять) в шахтовый Дом культуры на танцы.

И только Валентина, влекомая необоримой жаждой пробуждавшегося любопытства к жизни, преступила неписанные сроки. И вот однажды за полночь Зварыкин, возвращаясь с четырехчасовой смены, на троне, высоко от старого террикона, догнал свою дочь, неторопливо вышагивающую в накинута на плечи Мишкином пиджаке. Валентину даже не удивило то, что она не испугалась отцовского гнева, а ей только стало жаль Мишку, растерянно замолчавшего на всю дорогу до самого дома.

— Чтобы это танцеванье, мать, прекратить! — сердито приказал Зварыкин, едва они с дочерью переступили порог дома, за которым их встретила испуганная мать. — Ей учиться надо, а не по таежине блукать по ночам!

И скорее всего из интуитивных педагогических соображений неожиданно придумали родители отправить Валентину на лето (это было последнее школьное лето) в Алтайский край, в деревню к тетке — сестре матери.

Уже на вокзале в Новокузнецке она вспомнила, что не попрощалась с Михаилом.

С того памятного вечера встречи ее с отцом, когда вместо обычно увлекательного, по-мужски энергичного и решительного парня Валентина увидела рядом с собой обыкновенного испуганного мальчишку, ей неожиданно открылся какой-то обидный обман, похожий на пережитый ею в детстве в поселковом клубе, когда, взглянув за экран, она там не нашла ничего.

И встречаться, и тайком от родителей ходить на танцы они продолжали, только таинственная трепетность уже не будила ее по ночам.

В первые дни в деревне все началось как будто сначала. Она временами так хотела увидеть Мишку, что совсем уж было собиралась домой, но в душистых ягодниках, в родниковой зелени степного озера, налитого прохладой по самую кромку, под корнями береговых трав, утонула девчоночья тоска-печаль.

Встретились они со Столбовым по осени, по-соседски дружелюбно, по-старому, по-никольному разговорчиво, но потом придумывали множество хитростей и отговорок, чтобы по возможности избежать встречи. На любопытные вопросы подруг Валентина отвечала всегда очень коротко: «Это наше личное дело!»

Светка Жигулева и уговорила ее поехать в пионерский лагерь вожатой, сама она уже несколько лет на все сезоны ездила туда медсестрой. Валентина, очень опасавшаяся, что у нее отсутствует педагогический дар, к своему удивлению, с первого знакомства подружилась с мальчишками своего отряда и с увлечением, по самую голову, окунулась в заполошную, переполненную сменными детскими радостями и заботами чудную лесную жизнь.

А чудеса и в самом деле не заставили себя ждать. В одно из воскресений, когда кормили детей, Светка отозвала ее в угол столовой и торопливо зашептала:

— После обеда едем кататься на лодке. Буквально несколько минут назад сюда приходил Литвинов, ты его, конечно, не знаешь? Господи, лучший жених на шахте, разиня! Ну так вот, он подъедет к нашей водной, и прокатимся до Дома отдыха, пару часов покупаемся, с людьми тебя, лесовичку, познакомлю! — Валентина к тому времени отпустила длинные волосы, свободно и густо спускавшиеся с плеч.

Литвинов привез в Дом отдыха команду волейболистов (сборную первого района), завоевавшую на шахтовых соревнованиях первый приз — однодневные путевки.

Смолянистый аромат соснового бора, в котором прятались деревянные домики, весело шнырял, подзадоривал, а разбросанные в таль-

никовых зарослях на берегу омутков пляжи-отмели убаюкивали солнечной дремотой.

Павлов не удивился, когда Литвинов вдруг вынырнул из кустов с сеткой, наполненной бутылками пива и лимонада в сопровождении двух девушек в широких соломенных шляпах (Павлову так и показалось, что густо-коричневые их тела прикрывали только шляпы). Явление это казалось таким естественным в цепи праздничных радостей, из которых складывался белый июльский день. Сколько раз потом ни приходилось Павлову бывать на реке, почевать у костра, ощущение у него оставалось всегда, будто то было продолжением этого воскресного дня, вариациями на его тему. И все дело было в том, что одной из девушек в соломенных шляпах оказалась Валентина.

Игорь запомнил ее не тогда, когда они со смехом выскочили из-за кустов, и не тогда, когда Литвинов познакомил их, и даже не в лодке, когда он сидел на корме, а Литвинов греб. Она сидела, опустив руку в воду и что-то разглядывала в ней, низко склонила голову, и шляпа упала в воду. Она как-то не испуганно, не растерянно, а именно по-особому вскрикнув, поглядела на Павлова, вот тогда-то одним взглядом он разглядел и запомнил все ее лицо, удивительно застенчиво и беспомощно выглядевшее из-под путаницы густых волос.

Девушки исчезли так же внезапно, как и появились, успев крикнуть, что приглашают всех в следующий раз к себе в гости в лагерь. И с их исчезновением будто бы даже потускнело вокруг: посерела вода, зашумели кусты, а когда Игорь взглянул вверх, то вместо голубого блеска увидел густые сугробы облаков, а в самом дальнем углу маленькую серую тучку.

Вот эта световая игра всю неделю не давала Игорю покоя. Ему даже в шахте, в монотонном гуле вентиляторов порой прослышывался шорох листвы над посеревшей водой, а вид сосновых крележных стоек почему-то вызывал желание погладить их шершавую кору, как будто ладошью в темноте можно было ощутить их лесное сияние.

Воскресное утро белой прохладой и воробьиным гомоном в зелени тополей под окнами общежития сулило радостную долготу безработного дня. И странно, птичье щебетанье, поднимающее с постели в будни тревогой неотвратимого шахтового призыва, в воскресное утро высстраивалось в успокоительную мелодию, пронизывая каждую клетку усталого мужского тела не то сохранившейся, не то принесенной откуда-то из ночи блаженной беззаботностью мальчишеского сна.

Медленно, нарочито лениво начинался он — этот день: с долгого лежания уже проснувшись, с неторопливых разговоров в умывальнике, с обсуждения общежитийских последних новостей с дежурной тетей Клавой, уже затопившей «титан», большой бак, кипятку, разбираемого в чайники также неторопливо, без толкотни.

Вся приятность проживания дня ожидалась в незапланированных, непредуганных возможных радостях, поэтому-то без всякой тому причины, но на всякий случай выбиралась и праздничная одежда.

Часов в одиннадцать Игорь зашел в комнату к Литвинову. Николай (он кипятил чай маленьким электрокипятильником в пивной кружке чешского стекла) сидел в низком кресле перед журнальным столиком, попивая чай и листая какой-то журнал, рядом из транзистора слышалась тихая мелодия.

Павлов присел на стул около сдвинутой в угол тумбочки, из стопы альбомов репродукций взял самый верхний — «Из коллекции музеев РСФСР. Выпуск VI». Поговорили о чем-то незначительном и неожиданно придумали съездить на новый базар.

Была в этой экспедиции своя занимательность. За старым базаром с высокими деревянными воротами, остатком довоенной постройки забора, с незапамятных лет укоренилась некая таинственная слава недоброго места. Отгороженный от города с трех сторон коричневой от добавляемой постоянно из шахт водой маленькой речушкой, довольно большой, часто заливаемый полуостров кроме того застроен был всевозможными засыпушками и сараюшками, в которых проживал при-базарный гулевод народ.

И хотя при малейшем дождичке и сам базар, и подъезды к нему сразу же превращались в грязевые топи, а городские власти давно уже высоким струганым заплотом с железной вывеской, на сухом месте, недалеко от железнодорожной станции обстолбили новую общественную торговую точку, таинственная привлекательная сила старого базара собирала в воскресные дни народ со всех далеко раскинутых городских логов и поселков.

Только со строительством трамвайной линии, когда во весь многокилометровый извив центральной тополинской улицы от дальней «Восьмой» шахты до самого вокзала протянулась железная колея со специальной останковкой — Новый базар, — старому пришел конец. Куда-то исчезли жильцы засыпушек, полуостровок перекопали бульдозерами и в один из воскресников засадили его весь тополиными прутьями, в следующую же весну хорошо пошедшими в рост.

Ее сразу — постепенно и новый базар стал местом для воскресного общения горожан. И скоро опять образовалась веселая теснота, не столько торжища, сколько игривого гулянья.

С любопытством, весело бродили Литвинов с Павловым среди бесчисленных бочек, кадучек и лагушков, останавливаясь около куч свежеструганных топорич, лопатных черенков, прялок и веретен разных размеров. По стояли в толпе, сгрудившейся вокруг продавца глиняных свистулек, потешавших зрителей звонкими переливами, не задерживаясь прошли овощные и мясные ряды с шумливо говорливыми торговками, не столько пекущимися о сбыте товара, сколько радующимися встречам со знакомыми покупателями.

В большой деревянной избе, в одном из углов торжища, где, называемая всеми по имени, приветливо говорливая пышная молодая бойко разливала в пол-литровые банки пиво, собиралось для обстоятельных разговоров сугубо мужское общество.

Ублаготив жажду праздности несколькими банками свежего, пахнущего тонко древесной смолой пива, Павлов с Литвиновым тут же придумали продолжение своему развлечению. Набив карманы кедровыми орехами, они снова

сели в трамвай, и на этот раз он их повез уже к реке, благо, что конечное кольцо растянулось совсем недалеко от берега.

Небольшая песчаная коса против бетонированной железнодорожной насыпи, редкость для каменистых кондомских берегов, известная у тополинцев под названием «панорная стена», с приходом трамвая к вокзалу, несмотря на свою порядочную удаленность, потеряла уже прелесть уединенного места. И на этот раз друзьям пришлось поискать для себя место. Они расположились на узком песчаном язычке, вклинившемся в галечник, на стыке с которым из-под озелененного снизу мохом большого валуна выбилась родниковая струйка. Ее необъяснимо ледяная сладость, на мгновение остудив, распаленную зноем душу, опять спасительно манила к себе.

Река, изогнувшись широким плесом, непривычно отдыхала в тихом покое, перед тем как ниже километром с ревом ринуться по горбатым перекатам в узкие рукава между островками. Как раз напротив большого острова, под тихими всплесками ветра, серебристо подставляющего солнцу свою тальниковую спину, как раз и поднялись на крутом берегу деревянные шатры пионерского лагеря, о котором, конечно, не могли не вспомнить Литвинов вслух, а Павлов, скрывая беспричинно виноватое волнение, про себя.

Они подошли к лагерю со стороны маленькой, едва заметной в зарослях черемушника калитке, подле которой, сидя на пеньке, увлеченно рыл голыми ступнями песок дежурный — с красным галстуком на угольно-загоревшем тельце, лохмато-белоголовый парнишка. Он радостно, оттого что и его дело оказалось не бесполезным, вскочил и скрылся в кустах, едва услышав просьбу подошедших мужчин помочь им разыскать Светлану Жигулеву.

Светка, женская интуиция которой находилась на грани гениальности, буквально за руку притащила к калитке Валентину. Они были в одинаковых белых безрукавках, на шеях — красные галстуки, в спортивных брюках.

— Я сразу, ребята, подумала, что это вы! Гвоздев только сказал, что у маленькой ка-

литки, я подумала — это Литвинов! — объявила Жигулева. — У нас сегодня же родительский день, сумасшедший день! Эти родители помешались на своей любви к детям, они за год не скармливают им столько сладостей, сколько каждый приносит вот в этот день — это же беда — эта сладкая любовь! Ребята, сегодня у нас купанья не получится! А мы часто вспоминали прошлый выходной, верно, Валя? По все равно вы молодцы, что не забыли лесных отшельниц.

— Только в лес теперь и тянет, — галантно подыграл Литвинов, — но должен признаться, что ваш отказ нас ввергает в уныние, так сказать, на берегу пустынных волн мы остаемся одни...

— Что же, мальчики, ненормированный рабочий день, — с искренним сожалением вздохнула Светлана. Литвинов ей и в самом деле очень нравился, о чем она не раз уже говорила Валентине; та молча, время от времени ладонью смахивала с лица непослушную прядь волос.

— А у нас в четверг вечер после ужина свободный, — вдруг пришла на помощь подруге Валентина. — Приходите в Дом отдыха на танцы.

— Нам шахта не отпустит в будни, девочки. Мы туда, — Литвинов постучал сандалией по песку, — с самого раннего утра спускаемся. Солнышко встает, а мы под землю... Но, я думаю, мы еще встретимся, верно? Вас зовут призывные пионерские горны, а мы с горя пойдем да и бросимся в воду. Иного выхода, Игорь, как я думаю, у нас нет!

И опять Павлова всю неделю весело волновала игра света в тополиной листве на трамвайной остановке, за окном общезжития, в незнакомых женских лицах, прическах — для него вдруг мелькал какой-то привлекающий штрих, мгновенно продолжаемый воображением до той нечеткой, но узнаваемой формы, за которой почему-то в душе поднималась тихая, непонятная, скрываемая от всех радость. Она-то и привела его в четверг на вокзал к вечернему поезду. Человек характера более созерцательного, чем действительного, Павлов тем не менее иногда, выстроив умозрительно предполагаемый ход событий, чаще всего,

конечно, в желаемом, чем в реальном направлении, вопреки здравому смыслу, как и случилось на этот раз, бросался в самые невероятные авантюры.

Из окна вагона видно было все заречье. Игорю показалось, что он даже разглядел на противоположной стороне реки валун, из-под которого бил родничок. Но вот, не успевший еще разбежаться паровоз загудел, зачихал, будто бы запугался в подступивших вплотную к рельсам зарослях черемухи, рыжих подсолнечных коврах, и остановился около деревянного коричневого низкого здания: станции Ашмарино.

К удивлению Павлова, сходило много народа. Но то все были жители деревни, а к берегу, по узкой кривой тропке между плетнями он вышел один. Мужик-лодочник, словно бы ждавший его, не удивился, а деловито собрал в лодку цепь (которой крепилась лодка к забитому в берег железному штырю), почерпал консервной банкой со дна воду, пока Павлов усаживался на носовую скамеечку, потом посмотрел на берег, видимо, рассчитывая, что кто-то подойдет еще, но, махнув рукой, оттолкнул лодку на воду, и поплыл навстречу сине-коричневый сосновый бор.

На середине реки, когда ветер сыро и угрюмо забил по щекам, Игорь уже жалел себя. Он вдруг подумал о том, что ночью ему придется возвращаться на этот берег, дожидаться на станции поезда. А если они и не придут совсем?..

Представлявшаяся ему еще недавно в зелено-солнечных лучах картина его неожиданного появления перед девунками поблекла, как поблекла вдруг вода, сразу будто остывшая, едва солнечные лучи изогнулись за вершинами сосен на берегу, и он собрался было сказать лодочнику, чтобы тот разворачивался назад, но лодка уже закричала дном по мелководью и остановилась, уткнувшись носом в невысокий обрыв.

Часа полтора Павлов бродил по дорожкам между сосен вокруг танцевальной веранды, среди совершенно незнакомых, праздно-высокомерных гуляющих, с подозрительностью, как ему казалось, осматривающих его. Размышления о том, с каким наслаждением по-

смеялся бы Литвинов его, павловской, глупости, бросали Игоря в жар. И он твердо намерился спуститься на берег и там дожидаться той единственной лодки в обратную сторону, на которой, как он узнал, всегда после сеанса возвращается кинемеханик домой, когда вдруг лицом к лицу столкнулся с веселой компанией, предводимой конечно же Светланой Жигулевой. Она первая обрадованно окликнула его, а узнав, что он один, без Литвинова, изумленно покачала головой. В мягких сиреневых сумерках, в облегающем фигуру платье, она показалась ему совсем незнакомой. От растерянности Павлов даже не сразу узнал в другой девунке, в платье с пушистыми оборками, с высокой прической, Валентину.

Через несколько минут Жигулева затормозила, заговорила всех, и они уже раскладывали в глубине полянки, на широком старом дне привезенную Павловым снедь, разливали в бумажные стаканчики вино, а потом танцевали и танцевали.

Игорь и не заметил, как компания их рассеялась. Но когда они с Валентиной оказались вдвоем на зеленовато-высвеченной, высоко подвешенной круглой луной тропинке, ведущей в пионерский лагерь, и теплая тишина летней ночи мягкой нитью ложилась под ноги, Игорь затосковал.

— Давай на берегу костер разложим? — предложила Валентина, и Игорь понял, что она услышала его тоску и приняла ее нераздельность в себя, как с благодарственной неотвратимостью принимает земля этот лунный свет.

С обрывистого берега они спустились к воде и пошли по звонкому береговому галечнику. Потом Валентина ушла в лагерь.

Игорь никогда один не бывал ночью на берегу реки. Темная стена прибрежных кустов настороженно молчала и только галечник под ногами почему-то пронзительно взвизгивал, когда Павлов стал собирать валежник для костра. Но одиночество не ощущалось в этом пустынном мире. Игорь запалил костер, и стал думать о сегодняшнем вечере, о Валентине, думал до тех пор, пока она не вышла из черного занавеса кустов, укутанная в бай-

конное одеяло. Она принесла с собой булку хлеба и эмалированный чайник с компотом. Разостлав в стороне от костра одеяло, она разломала хлеб, налила в чайную крышечку компот и протянула ее Игорю.

В человеческой жизни случаются минуты, когда обыкновенные слова, обыкновенные жесты, вдруг наполняясь новым смыслом, обретают магическую силу пророчеств судьбы, не всегда и понимаемую, но неотвратимо приемлемую. Эта минута и опустилась у маленького костра, и потом уже направляемое ею время разбрызгивалось осколками искр, разламывалось лунным блеском в речной воде.

В воду они ступили вместе и, уколотившись о поверхностную прохладу, торопливо зарылись в серую теплоту почной реки.

Игорь нырял и подолгу держался под водой, с радостью слушая, вынырнув, испуганный голос Валентины. Вынырнув в очередной раз, совсем рядом с Валентиной, Игорь вдруг обнял ее и поцеловал в мокрые от воды губы. Они всего мгновение стояли, прижавшись друг к другу, но уже не протяженностью для них измерялось время. Молча вышли они из воды, и ночь сразу же накинула на мокрые тела покрывало стужи. Костер совсем почти угас, лепиво мигая красной угольной утробой.

Игорь набросал на угольки хворосту, протянул к прорастающим огненным лепесткам ладони. Они сели рядом, прижавшись друг к другу боками, накиннув на плечи одеяло. Пламя выростало, поднимаясь вверх по невидимым нитям, и больше неожиданно для самого себя, чем для Валентины, Игорь сказал, что любит ее.

Она не ответила. Он обернулся к ней. Лицо ее было уже за пределом отстояния от него. Осторожно, преодолевая еще сопротивлени отчужденности, он коснулся ее щек ладонями и стал целовать щеки, губы до тех пор, пока испуганно не отшатнулся, обнаружив губами солоноватую тревогу слез.

Они досидели на берегу до той поры, когда белый речной туман поднялся от реки, смывая почную мглу на берега. Они поднялись по обрыву вверх, и там роса высоко омыла им ноги.

— Как же ты сейчас пойдешь? — вдруг спохватилась Валентина, ведь Павлову предстояло отшагать в тумане, по росной траве несколько километров до брода. Периодическая тревога прозвучала в ее словах.

Потом всю длинную дорогу — а ему пришлось не только отшагать по полям, перейти речку бродом, но еще и полдороги до шахты пройти пешком, пока его не нагнала дежурная машина, везущая первую смену на шахту, — Игорь вспоминал именно эти ее последние слова, интонацию, и все думал с удивлением, что по-настоящему лица ее он все-таки не разглядел, хотя что-то самое главное, неясное, запомнилось.

Валентина на следующий день чуть было не повздорила с Жигулевой. Та пристала к ней с расспросами о том, как они провели с Павловым время, и очень сердилась, слыша ее уклончивый ответ.

Своему приглашению приходить на танцы Валентина не только не придавала никакого значения, а тут же забыла о нем, так и не вспомнив до того самого момента, пока не увидела на тропинке в домодыховском бору круглоголового широкоплечего парня в голубой рубашке, засученные рукава которой открывали крепкие мускулы рук.

— А ведь это к тебе! Любовь с первого взгляда, — с веселой иронией прошептала ей Жигулева. И Валентина, поймав на себе растерянный короткий взгляд, в котором откровенно мелькнула радость, не могла не почувствовать ее трепетную волну.

Ее еще не искусенное женское честолюбие вдруг пробудилось решительностью в действиях, остроумием кокетства. Она с безоглядной доверчивостью к этой еще не пережитой ею по-настоящему жизни, с трепещущей храбростью впервые вышедшей на сцену актрисы, когда искренность переживания застилает несовершенство мастерства, отдалась неожиданной игре: И всё: и разговоры на лесной тропинке, и костер, и поцелуи на ночном берегу, — все это было для нее неизвестное, страшное и такое радостное, что, казалось, не заплачь Валентина тогда — и радость бы задушила ее.

Павловы поженились месяца через два. Отец — Зварькин, услыхав, что дочь собирается замуж, вначале насторожился, однако, познакомившись с будущим зятем, обрадовался, что тот горный инженер, и похвалялся соседям, дескать, Валюха у него молодец, девка по хватке в него пошла!

Мать недели за две до свадьбы, когда, проведив Игоря, Валентина, чтобы не потревожить спящих, не зажигая света, тихо пробралась в свою комнату, так же тихо пришла следом — отец уже спал, — села рядом на кровать и, вздохнув, зашептала, что, дескать, если что случилось, теперь времена не старинные, да и можно бы к сестре уехать, и отец ничего не узнает. На удивленный вопрос Валентины — мать ее душевными разговорами не баловала, — она вдруг, шмыгнув носом, пришла на подушку рядом:

— Ох, Валька, мне он что? Тихий, обходительный, к тебе, видать, с душой. Да ведь чужая душа, как к жилетке рукава. Мы разве гоним тебя из дому? Из дому уйти — через порог переступить, а из себя всю жизнь, бывает, слезами втихомолку и выходишь... а все одно — не уйдешь...

Свадьба была многолюдная, шумная, да еще ночью, как сквозь сито, побрызгал мелкий дождик, верная примета, как утром говорили за столами, к счастливой дружной жизни.

Никто это счастье в руках не держал, собственно, и как знать, какое оно? Шурка со своим буяном счастлива? Нет, Валентине такого счастья не надо. Жигулева Светка со своим счастьем у всех знакомых на языках. Да просто Валентина не задавалась таким вопросом, а принимала жизнь svoю такой, какой она была, потому что не знала, да и не хотела знать другой.

...Павлов вошел в квартиру шумно и разбудил уже спавшую Валентину. Он долго плескался в ванной, пытаясь оттуда что-то рассказывать про рыбалку. Потом курил на балконе, возился на кухне с привезенной рыбой. Валентина опять задремала, и сон ее, когда Игорь лег, неприятно потревожил за-

пах табака, вина. Она приподнялась немного, привычно укладывая голову на широком мужском плече, и от волос его вдруг удвоила смоляной запах костровой копоти, а вместе с ним какое-то неудовольствие в себе, которое она быстро угасила.

Ночью ей снились костры, они как-то странно горели один над другим, и между ними был кто-то, кто ее все окликал и окликал. Голос Валентина узнать не могла. И хотя он звучал вроде бы ласково, почему-то ей было страшно.

III

Сухое, жаркое лето уже отпылило тополиным духом. У Зварькиных в огороде второй раз окучили картошку. Как Павлов ни сопротивлялся, какие ни выдумывал доводы, Валентина настояла на своем, и Игорю пришлось пожертвовать одной из рыбалок ради тещиногo огорода. Правда, тещь расстарался, и в обед, на удивление Игоря, вместе с холодной зеленой окрошкой была выставлена на стол сковородка с золотисто блестящими жареными карасями.

Насладившись произведенным на зятя эффектом, Зварькин кивнул в сторону сидящего за столом Ступина:

— Это, Игорь, Александр по-соседски, значит, уважил, к твоему, значит, приходу. Он их в огороде у себя разводит, заместо ягоды, значит; новатор он, выходит, у нас — рыбий Мичурин!

Сашка, сидящий с подобающей моменту торжественной миной на лице, для приличия оговорил все-таки хозяина:

— Да ладно тебе, дядя Никита! Ну уж и Мичурин. Просто вот раскинул, — он указательным пальцем постучал по виску, — чего мне, сам себе говорю, семь верст киселя хлебать за теми карасиками? — стал он охотно объяснять Павлову. — У меня огород-то — низина сырая и не меряна. А Герасимов бульдозер пригнал, под гараж там планировку делали. Ну тут и зашевелилось! — он опять пальцем коснулся головы. — В момент! Понимаешь?! Я ему говорю: загоняй с задов ко мне в огород и рой яму! Ну а тому что?

Был бы павар! За тройку он мне такой пруд отгрохал — сотки три будет! Точно будет.

Шурка первоначально меня чуть не убила, я ей, конечно, не доложил. Орет: «Снял совсем, зенки залил!» У них одно на уме. Баба она и есть баба! Перспективы соображения нету! Дура, говорю, детям свежая рыбка прямо к столу каждый день будет! Ну и принес с Мохового озера карасиков, запустил. Лето пережили. За зиму боялся. Но я луночки во льду надолбил для воздуха, кашей подкармливал. И уже второй год, как, сам видишь, рыбку едим да добрых соседей можем угостить. А чего, мне не жалко, коли она в моем огороде плавает! — хвастливо закончил свой рассказ Сашка, беря со стола стакан. — Выньем, чтобы картошка хорошей уродилась!

После обеда Сашка повел всех к себе в огород, в конце которого и в самом деле коричневыми ребрами глиняных берегов отгораживалась от зелени большая, наполненная водой яма.

— Вода больше грунтовая, — пояснял довольный вниманием гостей Ступин. — Ну, и снега да дожди, а ловим мы ее вот так, — он опустил в воду большой сачок и, недолго им поведив в воде, вытаскил несколько рыбок.

Как-то в кабинете дежурного по шахте, где между телефонными звонками, переругиваниями дежурного с подземными абонентами, говорят обо всем — и о футболе, и о родинах ламповщицей тройни, и о новой металлической крепи на соседнем руднике, — Игорь услышал разговор двух мастеров о рыбалке. Само собой, что ему сразу вспомнился Сашкин рыбий огород. Его рассказу не сразу поверили, потом от души посмеялись. Однако на шахте это получило необыкновенную огласку. Дошел слух о домашнем рыбоводстве до парткома. Мерзляков не поленился, сам съездил на Тайжину, да еще с собой редактора шахтовой многотиражки прихватил. И вот в одном из номеров под заголовком «Свободное время шахтера» в газетке появляется фотография Сашки Ступина на фоне его дома с карасями в руках. Случай в жизни Ступина оказался настолько из ряда вон, что тот, выпросив у редактора несколько десятков газет, распахивая их по карманам, ошалел от тиссла-

вия, принялся распространять среди соседей в поселке и сослуживцев на шахте, соответственно отмечая необыкновенный факт в биографии одной-другой рюмкой или кружкой пива. Популярность его, может быть, распространилась бы и за пределы шахты, если бы Шурка — жена — не встала на его пути, устроив Сашке прямо на глазах у всех любителей скандал с натуральным прикладыванием рук к его голове, да еще держа при этом в той руке пол-литровую банку с пивом. Голова пострадала не очень, удар был женский, а может быть, Шурка пожалела — все-таки муж ей Сашка, не чужой, но вот пивом весь костюм залила. Однако, когда кто-то из мужиков крикнул что-то обидное в Сашкин адрес, Шурка такое ему ответила, что в пивной наступила тишина и держалась она некоторое время и после ухода Ступинных.

Валентина Павлова (они у себя в библиотеке вели летопись шахты) наклеила эту фотографию в большой альбом в разделе «Спорт, отдых, культура». Заведующая — веселая, немного запыленная, вечно занятая общественными делами, учительница по образованию, добрейшая Лидия Митрофановна Мерзлякова, — появившись в библиотеке с утра, после обеда обычно убегала по делам общественного женсовета.

Небольшая шахтовая библиотека размещалась в двух комнатках на получердачном третьем этаже бытового комбината, куда вела крутая, темная (постоянно перегорали отчего-то лампочки) железная лестница. Два окна читального зала смотрели в прохладную тесть старых тополей во дворе. И так как читатели, особенно в летнее время, не часто удосуживались подниматься на «голубятню» (название, придуманное Лидией Митрофановной), то Валентина обычно в это время устраивалась с чтением возле одного из раскрытых окон. Пожалуй, именно вот за эти часы она больше всего и любила свою работу, когда, оторвавшись от книжной страницы, привлеченная внезапным шумным всплеском листвы или игрою солнечных брызг между листьями, отдавалась незаметно приятным размышлениям о чем-то неясном, немного воспоминательном, немного мечтательном.

Тихое мерцание духа в солнечном галей-доскопе зеленой плоти листвы и голубых осколков живительной пустоты неба, движение, не осязаемое ею, однако же переживалось и наполняло Валентину, как наполняются под солнечными брызгами нектаром цветы.

Валентина не расслабилась, как отворилась дверь, и обернулась резко, словно бы загоразживая нечто от постороннего взгляда, когда почти рядом с ней раздались осторожные шаги.

— Напугал ты меня как, — в голосе ее еще прозвучала угасающая радость, а глаза, наполненные растерянностью, смотрели так неиспуганно, дружелюбно, что на широконом, светлой детскости лице Василия Зотова мгновенно в улыбке как бы нашлось отражение.

— Ну и чо пугаешься?! Ох и лафа у вас, Валюха, здесь! А я сегодня на детсадовской крыше аж задымился!

Зотов — их же, гайжинский, и отношения у них еще сохранили школьно-ребяческую непосредственность. Из-за хромоты (в детстве, катаясь на лыжах, повредил ногу), отстраненный от армейской службы, Зотов — плотник шахтовой стройгруппы — частый посетитель библиотеки. Он был одним из редких читателей, простодушно переживающих каждую книжку как встречу с живыми людьми. Принимая писательский вымысел за чистую монету, Зотов, удивляясь, негодуя, сочувствуя, любил долго и рассудительно поговорить о прочитанном. Он, положив книжку, всегда завернутую в газету, на широкую полку перегородки, за которой обычно сидела Валентина, облокачивался, наваливался грудью и как-то без предисловий заговаривал:

— А вот я бы на ней не женился (имея в виду героиню книги) — она несерьезная, это же сразу видно, — еще тогда, когда Сухорук ее первый раз в клубе встретил. Ну и что, что красивая. А он какой? Работяга, головастый. И, понимаешь, влип. Жалко. Я бы ему сразу отсоветовал. У меня — глаз. А Зайцев, ну какой он ему друг, от таких я всегда подалеше...

Сам Зотов не женат. Как он обычно отвечает на шуточный вопрос Лидии Митрофанов-

ны, которая любит с ним поговорить: «Еще хочется пожить на свободе».

Но сегодня Зотов пришел без книги. У них с Павловой в последнее время появилась общая забота: Лидия Митрофановна придумала открыть в общежитии библиотечный филиал на общественных началах. Комитет комсомола утвердил ответственной за это дело Валентину и помощником ей — Зотова как организатора непосредственного исполнения.

В комнатке, которую отвели в общежитии под библиотеку, надо было сделать ремонт, установить стеллажи. Месяц назад комсомольцы стройгруппы начали эту работу, но через два дня их отослали на какой-то срочный объект, и все застопорилось.

— Меня, Валюха, в колхоз отправляют, пришел тебе сказать. Так что с библиотекой отпадает до осени, — объявил Зотов.

— Но Степанов самому Мерзлякову обещал, — возмутилась Валентина. У нее даже с Лидией Митрофановной из-за этого неприятный разговор произошел.

— Пообещал! Он это умест. Детский сад еще зимой обещал закончить, а что там ваша законушка! Он что хочет, то и делает. Позавчера на детсад нифер завезли, а сегодня приходим — его нет. Я бригадира спрашиваю, а он мне: «Не суй нос, понял. Есть начальство. А ты гляди, тонор чтобы острый у тебя был». С ним еще Мишка Столбов воевал, когда в ЖКО слесарем работал перед армией. Степанов начальник конторы был. Его бы в тюрьму, а он воп — теперь стройгруппой руководит. Мишка когда в отпуске приезжал и узнал об этом, очень расстроился. Я ему о том, как мы с тобой строим, написал, он, между прочим, тебе привет передает, а Степанова кроет... Он перед самой армией Мишку выжил все-таки из конторы!

Зотов хотя и был Мишкиным другом, а сути дела до конца не знал. Столбов сам подал заявление на расчет. На следующий день после Валентиной свадьбы. Ничего об этом не знала и Валентина, как и того, что косвенной причиной тому как раз и была ее свадьба.

У десятника вентиляции Зварыкина половина работающих на «Восьмерке» в друзьях ходили или в знакомых. Сам он испробовал

все по шахтовому ремеслу: лесогония в молодости, коногпил, был взрывником, проходчиком, рабочим на участке вентиляции. Долгой и потной стлалась его дорога в десятники. Должностью своей, властью охранителя закона Зварыкин очень гордился и уважительно придерживался таких же «старичков», среди которых числился и Степанов. Кроме того, начальник ЖКО еще всегда человек полезный. Пользу свою в жизни Зварыкин всегда умел блюсти, поэтому и на свадьбу зварыкинской дочери Степанов был зван.

Валентина, молча сидевшая с Игорем во главе большого шумного стола, исподтишка наблюдая, с какой отчаянной решимостью мрачный Мишка, ни разу не взглянувший в ее сторону, поддерживает поздравительные тосты, вдруг с радостным удивлением сообщила, что он ее по-прежнему любит. Она почувствовала неловкость оттого, что Игорь ничего не знает о бывших их отношениях с Мишкой. Выходил такой непреднамеренный обман, и тут же решила, что как только переговорит со Столбовым, успокоит его (сама от себя тая приятельственность ей предстоящего разговора), немедля откроет Игорю эту в общем-то безобидную, но все-таки тайну.

Затем она потихонечку и вышла на веранду за Мишкой, но, услышав, как ей показалось, резкий разговор между свекром и соседом — Мишкиным отцом — быстро вернулась позвать Игоря.

А между тем, обольщалось девичье Валентино самолюбие понапрасну. И расстроенный вид Столбова, его явное возбуждение, никоим образом не относились к самой свадьбе. Мишка, увидев Степанова, своего начальника среди гостей, возомнил вдруг, что здесь-то как раз самый подходящий момент для окончательного выяснения отношений, для пущей храбрости он и опорожнил стакан.

Из-за сущего пустяка — из-за пары обыкновенных электрических выключателей как будто разгорелся весь сыр-бор. Но мокрый хвост от искры не загорится, от плесени мышь не заведется. Так что, по сути, не в выключателях было дело, ну а формально Мишка проявил непокорность.

Несколько дней назад сидели они в слесарке, и Жмыгало, мужик в годах, по обыкновению рассуждал:

— Я с похмелья ему всякий раз каюсь, дескать, в последний раз, и он меня завсегда прощает, а потому, знает, что я человек безотказный и меня, что если там, то ни коим разом не касается. У меня в жизни свой интерес есть, понял? А если что, так на то он и начальник. А у тебя все норов, вот и выходит вроде как болтом наружу и без флянцев. И что теперь получается? Я при сапогах, а ты жди-ка подожди, пока твое «требование» поднижется. Не умесишь ты интерес жизни держать, Миха. Ну да жизнь обточит, она, брат, резьбу нарежет...

Завоил телефон. Жмыгало трубку снял, потом, взглянув на Мишку, кому-то доложил:

— Тута он. — И, положив трубку, сказал: — Тебя сам приглашает. Может, сапоги и вырешит? Ты без гонору, так поинтересуйся...

— Сапог и не жди, Столбов, — объявил Степанов.

— Это как понимать? Ведь всем положено, — он, как и учил Жмыгало, попытался очень вежливо спросить про сапоги.

— Я тебя не затем вызвал. Ты мне ответить, до каких пор самоуправством заниматься будешь? Тебе паряд на постановку выключателей в какой квартире был дан? В двадцать третьей? А ты в какой поставил?

— Так ведь заявление Хусандовых у нас уже третий месяц лежит. Дом у них старий.

— Вот и сходи отремонтируй.

— Я уже трижды был. Там и чинить нечего. Людям в глаза совестно смотреть. А ребятишки — четверо, одни дома по целым дням, то ли пожар от замыкания, то ли их самих прихлопнуть может.

— Ты же знаешь, что нет у нас на складе выключателей, знаешь?

— Знаю. Но пашли же для двадцать третьей. А там-то и старые отличные. Я их мигом перебрал. Еще сто лет простоят!

— Это не твоего ума дело! Зеленый еще рассуждать. Вот когда на мое место сядешь, тогда и будешь рассуждать. Сказано, в двадцать третьей менять, значит, менять! А что,

если ты те выключатели пропил? На бутылку тебе дали, ты и того? Сумеешь доказать, что не так дело было? Не сумеешь. Я тебе верить не могу. А раз я тебе не верю, то что отсюда следует? А то, что, видимо, нам расстаться придется!

— Почему это? — удивился Мишка.

— Как почему, — с ядовитой улыбкой переспросил Степанов и подчеркнуто доверительно стал объяснять: — Моя программа действий тебя не устраивает. Меня же не устраивает твоя. Спрашивается: при таких отношениях можем мы вместе приносить пользу нашему родному предприятию? Разумеется, нет. И еще вопрос: кто для предприятия более ценен — ты или я? Ты со мной согласишься, что я. Следовательно: тебе и надо уйти.

— За то, что я честно стараюсь свое дело исполнять, вы меня решили выгнать?

— Ты меня неправильно понял, — спокойно возразил Степанов. — В интересах производства тебе лучше уйти по собственному желанию. И запомни: начнешь жаловаться, тебе же хуже будет. У меня найдутся свидетели, чтобы подтвердить, как ты казенный материал пропиваешь, а у тебя не найдутся. Согласен?

— Не согласен, — Мишка хотел сказать, что он не согласен с таким оборотом дела, но Степанов его грубо оборвал:

— Все, иди подумай.

Вообще-то Мишка давно приглядывал себе место, не лежала у него душа к этой «шарашкиной» конторе, а недавно ему ребята говорили, что на лесном складе освободилось место дежурного электрика. Так что и в самом деле выходило, как будто по собственному желанию он может уйти из ЖКО. Но после разговора, произошедшего дома, он передумал уходить.

— Что я, работы на шахте не найду? — объяснял он матери, когда та, выслушав его рассказ (Столбовы ужинали все вместе на летней кухне), осуждающе вздохнула, покачала головой. — Руки, голова есть!

— Только голова-то дурная, — печально и жалостливо сказала мать. — Как сердце чуяло. Разве я тебя не просила: сынок, не ходи

против начальства. А как «волчий билет» выпишет, с ним-то куда сунешься?

Мишка, с хрустом откусивший малосольный огурец, с удивлением поглядел на мать, перестал жевать.

— А что это такое? — в густой листве ранетки, почти просунувшей ветви в распахнутое окно, тоже вопросительно засвистала птаха, но как будто сообразив, что люди ее в свою беседу не примут, сердито забила в зеленой путанице и улетела. — Какой такой билет? — уточнил вопрос Мишка и посмотрел на отца.

Старший Столбов поставил на стол недопитый стакан молока, эту отцовскую привычку запивать горячую картошку молоком Мишка перенял с детства. Мать так и собирала на стол: сковороду жареной картошки и обязательно два стакана холодного молока.

— Ты, мать, погоди, — попросил Афанасий жену тоном спокойным, но настоятельным. Он провел длинными, задубевшими в трещинках пальцами по впадине щeki, ее как будто ошаренная кожа темно просвечивалась изнутри свежим бритьем, — не те нынче времена. Да и чепуха все это. — Он повернулся в сторону сына. — Что совесть ты в работе, сынок, не забываешь — это верно. Но и то верно, что начальство слушать надо. В нем, в начальстве, всегда должна быть правильность всего дела, оно вроде бы как иголки должно быть, а рабочий за ним уж иголкой, иголкой, должен шов собирать. Тогда и делу, и людям польза.

— А когда он не по правде? — отхлебнул молока из своего стакана Мишка.

— Степанова я давно знаю, — будто виновясь, сказал отец. — Мне бы не пускать тебя к нему, вредный он мужик, вроде парши, да думал я, все ж таки к лучшему человек меняться должен. Ему доверяют людьми руководить. А правда, сынок, это штука непостояная. За ней иной раз долго ходить приходится, да об колдобины спотыкаться, главное — спотыкач этот за правду не примет.

— Это ты, отец, что такое ребенку рассказываешь? — со слезами тревоги в голосе обратилась к Афанасию жена. — Мало тебе, что сам запутался в этой правде? Думала под ста-

рость хоть в покое пожить, внуков понынчить, так теперь и малый за старым! Да где это кого держать станут, чтобы начальство получал, да еще соняк, вроде нашего Мишки? Поставлен человек, значит, ему высшие доверяют...

— А высшие — они не всегда сведущи о том, что низшие замышляют, вот когда им глаза откроют, — терпеливо пояснил Афанасий, однако мать рассердилась.

— Вот они у меня какие молодцы! Открытальщики на свой хребет. Другие молчат, работают, не хуже вашего зарабатывают, живут и ничего не раскрывают. Аль уж вы всех, отец, умней? Вот взять утерку, да отклестать как следует, чтобы начальство как родителей уважал, — строжилась мать.

Но у Столбовых и отцовские шахтовые дела, и материны домашние заботы, и Минкины уличные и школьные, а теперь и деловые нелады — все обсуждалось подолгу, сообща и как бы с общего согласия, тем не менее окончательное слово всегда оставалось за Афанасием. Оно не было приказательным, принудительным, оно будто бы вбирало в себя общую какую-то мудрость и в то же время приобретало действительную, направляющую силу, и защиту ее неосознанно, непререкаемо впитывал душой Мишка, как неощутимую животворность любимого им парного молока.

— Не надо тебе, сынок, уходить. Дело — оно всегда дело, — подвел итог разговору Афанасий. — Честно исполняй свое, чтобы люди не корили, а там видно будет...

Мишка, заметив, что Степанов вышел из-за стола, подождав некоторое время, тоже поднялся. Сидящая с ним рядом Танька Шелестова забеспокоилась, но он ей шепнул:

— Я скоро, — и пошел в сени. Дверь на веранду была открыта, и в полутьме ее — она почему-то была не освещена — Мишка разглядел три фигуры; узкую в плечах прямую спину отца он узнал сразу. Голос говорившего был ему незнаком и, видимо, это был какой-то старый знакомый отца, потому что он обращался к отцу по-свойски:

— Ну мог ты, Афанасий, скажи мне, предполагаешь, что мы с тобой через столько лет,

можно сказать, через всю жизнь, вот так встретимся, на свадьбе моего сына, а?

— Отец жениха, — догадался Мишка, соображая, куда мог деться Степанов. В затуманенном мозгу плотно сидела одна мысль: найти Степанова, хотя о чем он будет с ним беседовать, Мишка себе ясно не представлял. А разговор между тем продолжался.

— Однако, далековато тебя, Афоня, от своей деревни занесло. Суровое ты местечко выбрал. Вот судьба!

— За нас хозяин выбирал, а мы только обживали, — вдруг услышал Мишка голос Степанова. Значит, третьим был он! А Степанов весело говорил: — Мы с Афоней здесь первую просеку рубили. Судьбу нам прокуроры нарисовали!

— Тебе бы его благодарить, а ты все злопыхаешь, — услышал Мишка голос отца, как сквозь туман. Что-то незнакомое, пугающее шелестело в том тумане.

— А сам-то ты благодарный? — послышался в ответ насмешливый голос Степанова.

— Это, Тихон, тебе не понять. У тебя свое, у меня — свое, — отвечал отец, и все больше улавливал в его голосе Мишка какие-то непривычные нотки.

— А казенную похлебку из одного котла хлебали, — в насмешку Степанова просльпалось раздражение.

— То-то ты привык к казенным харчам, — сказал отец. Мишка смутно начинал соображать, в чем дело.

— Брось, Афоня! Живу как могу. Твоего не отымаю, — такая злость была в последних словах Степанова, что Мишке показалось, будто он даже разглядел в темноте его перекошенное жирное лицо. — А сынок-то в тебя, видно, характером пошел!

— А что сынок? За своих детей я спокоен, — громко, с вызовом сказал отец, — вот так и живем, Иван! — В проеме двери как раз и появилась Валентина.

Мишка, пораженный услышанным, стоявший около крылечной балясины, кинулся вниз по ступенькам, не заметив ее, не слыша, как, оттолкнув Валентину, выскочила из избы вслед за ним Танька Шелестова.

Она нашла его на столбовском сеновале. Зарывшись в свежее душистое сено, они недавно только выкосили его с отцом, Мишка лежал на животе и всхлипывал. Девочка присела рядом. Молча, осторожно разворошив сено, нашла рукой в темноте Мишкину голову.

— Ну что ты так убиваешься, подумаешь... — зашептала она, — что, уж кроме Валухи и девчонок больше нету?

А Мишка и не слышал ее. Его душу корежил открывшийся ему обман. Тюремное прошлое Степанова, о котором вкрадчивым боязливым шепотом говорили в конторе, как-то даже объясняло в Мишкиных глазах его жуликоватые махинации, вызывая справедливое возмущение и сопротивление. Но отец?!

С несмысленного детства от матери и отца он усвоил неперемное условие в людских отношениях: честность и справедливость. И когда, еще учась во втором классе, Мишка в кровь разбил лицо Петьке Тряпицыну, дома его не наказали. Хотя он ждал до замирания сердца. Рука у отца была тяжелая, Мишка запомнил это после того, как, наученный старшей сестрой и ее подружками, залез в соседний огород за огурцами. Так что вызов в школу, куда отец пошел сам после того, как Танька Бойко принесла записку от учительницы, хорошего ничего не обещал. А дело было в том, что Петька, у той же самой Таньки, стащил из сумки наборную, из цветного плексиглаза ручку, которую Танька тайком взяла у старшего брата и принесла в школу похвастаться.

Отец вечером строго спросил:

— А что, без мордобоя силенок не хватило? — и предупредил: — Вообще я драки не одобряю. И если те двойки, что у тебя есть, в ближайшие дни не исправишь, получишь за все. Но справедливость есть справедливость. Мы с матерью чужого куска в жизни не съели, и ты должен так жить, чтобы людям в глаза мог всегда открыто смотреть, и они к тебе тогда с добром будут!

Так как будто бы и жили Столбовы всю жизнь. Соседи, это Мишка теперь уже осознал, с уважением относились к ним, постоянно то один, то другой шли к отцу за

советом, за помощью. Он сам ходил по домам кого-то мирил (числился он в бессменных председателях уличного комитета), кому-то помогал строиться, в этих случаях он и Мишку с собой прихватывал, и тот радостно вертелся среди мужиков, усиленно подсоблял: то поднести дранку, то пилу, а повзрослев, уже и топором мог потесать, пообучившись у отца.

И вдруг все это оказалось ненастоящим. Вдруг оказалось, что отец и Степанов — это нечто общее. Хуже того, отец оказался притворщиком и обманщиком! Страшная черная тайна жизни, в которую окупился Михаил, привела его в ужас. Он думал о том, как он завтра будет глядеть в глаза отцу, и боялся этой встречи. Так на сеновале он и уснул. Мать, когда он утром отказался от обычного завтрака, сокрушенно заворчала:

— Раю тебе еще, Михаил, сокрушаться-то так. Жизнь у тебя вся впереди.

А Мишке хотелось скорее уйти из дому. Придя в контору, он в тот же день подал заявление на расчет.

— А это твоё дело, Михаил, — спокойно сказал отец, когда узнал, что из ЖКО он все-таки ушел. — Тебе теперь своим умом жить. — Он тесал черешок для лопаты. Как всегда неторопливо, по несколько раз примеряясь.

Мишке, который впервые в жизни поступил вопреки совету отца, стало вдруг обидно, что тот даже не заметил этого. Боль и растерянность уже прошли, и осталось только угнетающее ощущение оттого, что ни мать, ни отец не знают о его приобщении к их тайне, живут с ней какой-то отдельной от него отчужденной жизнью.

Мишка устроился на работу в стройгруппу и до самого призыва в армию работал в одной бригаде с Зотовым.

...Зотов, спускавшийся по железной лестнице из библиотеки, почти лицом к лицу столкнулся на лестничной площадке с Игорем Павловым, они с Шалковым поднимались на второй этаж из столовой. Зотов, которого Павлов явно не узнал, поздоровавшись, заулыбался и, не останавливаясь, показав пальцем вверх за спину, объяснил:

— От Валентины иду.

Павлов, придержав шаг, подумал о том, что он совсем забыл предупредить жену о своей задержке на заседании парткома, но тут же пернул к прерванному разговору:

— Григорий Фомич, мне помощник передал, что все-таки Тихонову ты велел прогул поставить. А ведь я ему обещал.

Шалков, не оборачиваясь, отозвался:

— А что ж ты обещаешь, чего не можешь?

— Ну хотя бы меня в известность вначале поставил. А то помощник вдруг заявляет.— Они уже шли рядом по коридору в сторону кабинета.

— Он у нас за дисциплину отвечает, и, собственно, он и решил, а я только подтвердил его решение,— Игорю показалось, что начальник как-то резковато произнес последние слова.

— Почему же Зотову тогда все с рук сходит? — Зотов — забойщик, на участке работает давно, а Тихонов — слесарь, в бригаду к Павлову пришел всего несколько месяцев назад. На работу они не вышли в один день. Игорю, когда он разговаривал с Тихоновым, жалко стало мальчишку. Тот, чуть не плача, объяснял, как у них на дороге сломался мотоцикл и они не могли никак выбраться в город. И Игорь, как ему кажется, вполне справедливо решил отделаться разговором. А вот начальник с помощником, явно из каких-то своих соображений, а скорее всего, как думал Павлов, чтобы дать ему все-таки понять, что он горный мастер и его дело уголь давать и больше ничего, перерешали по-своему. Фактически сминусовали его авторитет перед рабочими!

— Сколько лет ты уже на участке, Игорь Иванович? — Вместо ответа неожиданно задал Павлову вопрос Шалков.

— Четвертый год, а при чем здесь мой стаж? — Игорь решил до конца отстаивать свою позицию, — что, я тебя, Григорий Фомич, уже как специалист не устраиваю?

— Да что ты? Специалист ты отличный! Изобретатель!

— Ну, давай не будем,— сдерживая раздражение, сказал Павлов. Не скандалить же ему у дверей парткома с Шалковым. А тот совсем по-дружески заулыбался.

— Да ты чего кипятиться? Я в самом деле говорю, что специалист ты хороший. А вот людей за три года по-настоящему так и не узнал. У Зотова дочка-двухлетка. Если ему мы все выхлопотать не можем. А бабка, к которой он девчонку носит, в тот день на похороны в Малиновку уехала.

— А жена?

— В том-то и дело, что жена у него при родах померла!

Игорь вспомнил, что был у них на участке когда-то давно разговор о каком-то ребенке.

— А твой Тихонов,— продолжал Шалков,— к тому же и обманул тебя. Не за город они ездили, а Сорокину помогал гараж строить! Вот, мил друг, что выходит. Прогул прогулу разница. Зотову одних переживаний на всю жизнь хватит. Твоему же стрекачу и лишение премии, может, впрок еще не пойдет. Хитрющая штука — человек, Игорь Иванович, а нам, руководителям, его как орешку надо раскусывать да глядеть, кабы зернышко не повредить. Вот ведь, мил друг, что получается.

Возразить Павлову оказалось и нечего, но тем не менее он все-таки окончательно успокоился только тогда, когда они вошли в квадратную, с высоким потолком, безоконную комнату, с дверью в каждой стене. Это была прихожая, или, как на шахте говорили, «предбанник» парткома.

Уже сидя в кабинете секретаря, длинном помещении, как бы разгорюженном надвое: сколоченные в ряды деревянные кресла с откидными сиденьями, на которых сидели приглашенные, и толстоногий, во всю вторую половину комнаты стол, за которым сидели члены партийного комитета, Павлов заметил, что среди приглашенных совсем нет мастеров.

— Григорий Фомич,— зашептал он Шалкову,— а тут ошибки никакой нет? Меня-то зачем ты привел?

— Сказано было: обеспечить Павлова, я тебе уже объяснял,— проницательная, как показалось Павлову, улыбка мелькнула в глубоких складках шалковского лица. Непонятно было: то ли она относилась к Игореву недомыслию, то ли к этому «обеспечить». Не впервые видел Павлов Мерзлякова в роли

ведущего собрание, заседание, и всякий раз отмечал странную, возбужденно-нервную непохожесть в парторге на него самого, такого уравновешенного, веселого говоруна в обычной обстановке: дома ли, на шахте ли.

Ровно в семнадцать тридцать, а именно на этот час были приглашены Шалков с Павловым, за стол уселись члены комитета, и Мерзляков объявил о продолжении заседания парткома и слово предоставил главному инженеру шахты, предупредив, что ввиду непредвиденных обстоятельств члены парткома договорился вопрос несколько изменить, и, обратившись к начальнику четвертого участка Семко, добавил:

— Ты, Денис Акимович, догадываешься, о чем речь?

Сидевший на два ряда впереди Павлова с Шалковым Семко вздернул головой, блеснув на солнце круглой небольшой глянцевой лысинкой в седых кудрях.

— Это что, персональное дело?

— С персональщиками у нас разговор особый, Денис Акимович,— сказал главный, медленным движением поднявший правую руку к дужке очков. Из-за зашторенности стекол, когда он снял очки, от глубоко сидящих глаз по всему лицу словно бы разлилась застоявшаяся ссорова усталости.— За уголь тебе честь и хвала, а вот самоуправство твое уже всякие границы переходит. Это до чего нужно довести людей, чтобы вся бригада в партком пришла! Все до одного человека!

— Да их Столбов научил, бузотер чертов. Без него им бы и в голову такое не пришло. Что я, первый год с ними работаю? Я же им все объяснил, рабочую карточку показал, обижаться бы вроде и нечего,— не вставая с места, заторопился с объяснением Семко.

Мерзляков предостерегающе поднял руку. Главный, выжидательно помолчав, продолжал:

— Кто бы ни научил, а если это так, то и вовсе плохо, значит, партизанщину ты у себя развел, но требования-то у них справедливые. В начале месяца ты на вспомогательные работы сам карточку составил?

— А то кто же? У меня помощника нет! Уголь — сам, проходку — сам. Вот вчера сам и взносы комсомольские собирал. Везде началь-

ник.— Семко раздражительно вскинул вверх руки, будто загораживаясь от непомерной тяжести.— Да что спрашивать, Петр Константинович, вам это все, мабуть, не известно!

— Проходчиков сам на вспомогательные работы посылал? — продолжал невозмутимо главный.— Сам их благодарил, «молнию» сам распорядился вывесить в честь бригады. Все сам, Денис Акимович, и заплатит потом за эту мелочевку сам и отказался?

— Я же говорю, Петр Константинович, что все по рабочей карточке!

— Ты же ее перенесал в конце месяца, Денис Акимович! Можно сказать, на глазах самих проходчиков ты их обманул. Пам вот с секретарем парткома приходится моргать за тебя перед рабочими. «Семко,— говорят,— в начале месяца к совести нашей взывал, а что же получается?»

— А что, в самом деле, я себе в карман эти деньги сховал? И проходчики, слава богу, в зарботке не обижены, бузят они потому, что в экономике не разбираются, а вот отдай — это они знают...

— Денис Акимович, мы люди здесь все свои, твой хозяйский талант нам известен, но за подобную экономию, если еще раз в партком бригада заявится, спрашивать будем самым строгим образом. Ты как с людьми соби-
раснешься после этого работать?

— Мы с ними сочтемся, но я все-таки не понимаю,— искренне возмущился Семко, но главный перебил его:

— А я не понимаю, почему, как говорит бригадир проходчиков, он мозоль на языке натер, уговаривая Семко отремонтировать по-
родопогрузочную машину, а дело ни с места?

— Да она им без надобности, Петр Константинович.

Павлов, слушая перепалку главного с Семко, вспомнил, как говорят про того на шахте: «У него хватка мертвая!»

— И уж чего говорить, Петр Константинович, один я разве за всем угляжу? Сколько уж месяцев без помощника? В мойке мужики через колено меня разгибают, поясница отнимается, а в санчасть — времени нету! А тут жалоба — копейки там какие-то недодал.

Даже если и недодал, я их не в свой карман вынул...

— Кстати, о помощнике, Денис Акимович. Мы вопрос этот изучили и выносим на обсуждение парткома.

— А что, — настороженно обиделся Семко, — у начальника участка теперь даже и мнения не спрашивают?

— Вот чтобы твоё мнение выслушать, мы и пригласили тебя на комитет. Наше предложение, а решать будем сообща, — главный повернулся в сторону Мерзлякова, тот согласно кивнул головой. — Так вот, партийный комитет предлагает нам, администрации, — продолжал главный, — выдвинуть на должность помощника начальника четвертого участка Игоря Ивановича Павлова, горного мастера третьего. Давайте высказываться не только члены парткома, но и приглашенные, обсудим кандидатуру. Подходит — утвердим, не подходит — другую будем искать! — с этими словами главный опустился на стул.

Сидящие как по команде все повернулись в сторону Павлова. От неожиданности Игорь не успел даже растеряться, он вообще как будто и не уловил смысла сказанного и, только встретившись с пронзительным прищуром семковских глаз, недоверчиво и насторожен-

но ошупывающих из-под тяжелого навеса пухлых век, Игорь почувствовал, как теплая волна залила горло, потом, горячая, стала подниматься к лицу. Он отнял взгляд от бугристого, почти фиолетового цвета семковского лица, когда услышал голос Мерзлякова.

Секретарь парткома, улыбкой будто бы сказав ему: я твоё состояние понимаю, объяснял:

— Инициатива эта действительно наша, мы и впредь будем теперь каждое назначение обсуждать на партийном комитете. Но чем мы руководствовались? Во-первых, молодой инженер, инициативный, положительно рекомендуется как начальником участка, так и районным инженером, и, думаю, Денис Акимович согласится с нами, это будет ему хороший помощник.

— Недавно только был молодой инженер, — недовольно подал голос Семко.

— Ты что, против, Денис Акимович? — спросил Мерзляков. — Выскажись, насиловать тебя мы не будем, вам работать, за тобой и последнее слово!

— Что слово, в шахте дело требуется! Слова мы говорить умеем, в институтах словам даже добре обучают.

— Так что ты скажешь?..

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ КМК

Вот уже третий год собираются во Дворце культуры КМК, возведенном руками ветеранов Кузнецкстроя в легендарные тридцатые, литераторы города металлургов. Различны они и по возрасту и по творчеству, но роднит их одно — бескорыстное отношение к любимому делу своему.

Сегодня на страницах альманаха — произведения студийцев, опубликовавших свои первые стихи еще в шестидесятые годы, когда только начинался строиться Запсиб, когда литературой руководил доктор филологических наук Николай Иванович Якушин...

Все они — доцент ГИДУВа Михаил Степанов, врач Вадим Назаров, а также недавно ушедший из жизни режиссер Виктор Гюнтер — люди по-своему одаренные, а потому стихи их по-настоящему волнуют, лишены придуманности. И в этом основное достоинство их поэтического ремесла.

Виктор Гюнтер

ИНЖЕНЕР

Сколько книг непрочитанных
Старится скорбно и немо,
Сколько кинокартин
Неувиденных
Мимо летит,
Сколько он облачков
Не заметил на ласковом небе,
И опять телефон,
Дьяволенок рогатый,
Зудит..
— Стал комбайн?..
А причина?
Да еду, ну что с вами делать?! —
Он выводит усталого «Москвича»,
Говорит:
— Я в момент! —
И к гостям, приглашенным на девять,
Возвращается..
Завтра.
И даже не в девять,
А в час.
Что-то наскоро ест,

Утопая в газете,
А ночью
На рыдания жены,
Что «нельзя так,
Что это за жизнь»,
Он с большим удивлением:
— Люба,
А как же иначе?..
Жизнь у нас мировая:
Такая,
Что только держись!..
И — свалился в июне,
И склянки звенят у кровати,
Но неделя не кончилась,
С палкой,
И желт, как лимон,
Снова бродит по шахте.
— ...Умру?
А когда умирать-то,
Если завтра
Участок
Становится на ремонт?!

ЮБИЛЕЙ ГОРОДА

Скоро вскрикнут фанфары,
И будут тебя поздравлять,
И забудут знамена,
Как домен багровое пламя...
Сядем, Город,
У нас
Есть минута еще или пять.
Это я говорю,
Я — твоя поседевшая Память.
Вспомним ночи тридцатых,
Костры заливающий дождь,
Самокрутки из мха,
Что скопился в промокших карманах,
И веселое,
Грозное,
Яростное «Даешь!»
Как на Врангеля, шедших
На штурм твоего котлована...
А потом...
А потом —
Громыкнувший на Западе гром,
Голос фронта охрипший,
Что требовал стали и стали,
И бессменные смены,
Когда за бригаду — вдвоем:
И за тех, что ушли,

И за тех, кто в бессилье упали.
В небо залпом последним
Ударил Победы салют...
Посидеть на рыбалке бы,
Ложкой в ухе побарахтать...
Но — газеты, как птицы,
Тревогу на крыльях несут,—
И опять у печей мы несем неусыпные вахты.
...Вот уже фанфарист
Золотую трубу приподнял,
Горожане исчезли
В букетах из алых и белых...
Что ж, мой Город,
Пора,
На дорогу осушим бокал,
Чтоб ты вечно был молод,
А память твоя не старела!..
Чтоб, верша этажи
Потянувшихся к солнцу громад,
В дождь, в мороз и буран,
При любой непогоде,
Не забыл бы,
На чем
Их фундаменты гордо стоят,
Из каких кирпичей
Ты свое продолженье возводишь.

Михаил Степанов

РУКИ НАСТОЯЩЕГО ВРАЧА

Ведь они таким искусством
славятся:
Тронут боль —
и боль уходит прочь.
Если нужно,
к сердцу прикасаются,
Чтоб ему, усталому, помочь.
Пусть на вид —
совсем обыкновенные,
Но они не рубят сгоряча:
Мудрые, умелые, бесценные —
Руки настоящего врача.

ЭЛЕКТРОКАРДИОГРАММА

Ее язык — предельно сух
И вместе с тем — на редкость
точен:
Она рассказывает суть
О сердце без тире и точек.
Ее с «морзянкой» не сравнить,
И с нотами она не схожа,
Но сердца жизненную нить
Так провести никто не
может!

ПУШКИ КУЗНЕЦКОЙ КРЕПОСТИ

Наших предков грозное оружие,
В битвах послужившее не раз,
Пушки, крепостям уже не нужные,
У музея встали напоказ.

Плыл над ними
едкий дым столетий,
Реяли двуглавые орлы...
И уже не воины,
а дети
Гладят потемневшие стволы.

Будет время —
и на всей планете,
К радости девчонок и ребят,
Вместо пушек
грозные ракеты
У музеев выстроятся в ряд.

Вадим Назаров

СТИХИЙНЫЕ ВОПЛИ

Пародия

Дикой кошкой иволга кричала.
Я сказал: «Дождя не миновать».
И с тобой под крышей сеновала
Мы его решили переждать.

Я. Козловский

Мы с тобой под крышу сеновала
Юркнули, чтоб дождик переждать.
Где-то рядом иволга кричала
Или кошка — трудно разобрать.
А над нами тучи шли куда-то,
В них ворочался сердитый гром,
Я, поймав твой взгляд зеленоватый,
Завопил вдруг мартовским котом.

Владимир Кузнецов

ДАЛЬНИЕ ГОРЫ

Среди кузбасских шахт у этой, что на западной окраине Киселевска, пожалуй, самое благозвучное, прямо-таки поэтическое имя — «Дальние горы». В ряду сестер своих не выделяется она мощью и статью — 1,3 миллиона тонн угля в год дает. Зато характером — капризная и своенравная: богатства свои хранит в пластах крутых и пологих, да и накрыла их рыхлым горельником, который «дышит» воздухом гор. Попробуй подберись к этим богатствам, возьми их, когда на пути и вода, и газ, и — что нередко еще случается — подземный пожар...

Для Виктора Романовича Устинова нет родней этой шахты. Потому что для него она — единственная.

К «Дальним горам» дорога от городской горкомхозовской гостиницы, действительно, не ближний свет. Потому и решил, по старой дружбе, воспользоваться гостеприимством и добрым расположением ко мне Юрия Дмитриевича Турубарова и Эдуарда Сергеевича Лермонтова — секретарей Киселевского горкома партии. Рано утром зашел в кабинет первого. Застал обонх. Они уже знали, что я «зашибаюсь» Устиновым, потому, видимо, с ходу и понтересовались:

— Ну, как там наш герой себя чувствует?

Собственно, я «выходил» на секретарей, чтоб поплакаться насчет транспорта до «Дальних гор», и никакой такой чертик розыгрыша (да еще в стенах горкома партии) душу мне не береди. И ответил я на вопрос секретарей сущую правду, на полном серьезе:

— Хорошо себя чувствует, только влюбился.

Секретари переглянулись. А потом вопросы посыпались ко мне, как из рога изобилия. (Я сразу понял, что говорим мы на разных языках, мучительно соображая, как бы это поделкатнее выбраться из создавшейся ситуации.)

— Как звать-то?

— Ольга Сергеевна.

— Красивая небось?

— Не видел.

— А молодая?

— Очень. Девять месяцев.

— ?!

Они даже вздохнули облегченно.

...До шахты добирался пешком, блуждая серпантинном пригородных улиц и переулков в белой кипени яблонь. Лето 83-го пришло к нам поздно, лишь в середине июня одарило рябиновыми мочами и нестерпимой полдневной жарой. Потому, видно, все враз и брызнуло цветом в садах и огородах, и упряталась, сник-ла в этом цветущем радующая еще несколько дней назад душу и глаз зелень деревьев, кустов, трав. Легко дышалось и легко думалось на этих узеньких цветастых улочках, где аккуратные частные домики горняков с чисто промышленными глазами-окошками казались совсем маленькими, словно игрушечными. Может, и оттого все так казалось, что не выходила из головы эта крошечная возлюбленная, девятимесячная Ольга Сергеевна, к коей наторил дорожку могучий, чуточку косолапый, убеленный сединами дед. Она, Ольга Сергеевна, и боль («как-то там разродится невестка»), и переживание («пусть у меня несколько дней поживет, у молодых-то в новой квартире про-

хладно»), и великая радость («уж на своих ножках стоит, пойдет скоро») деда.

Смена прошла, как считал бригадир, удачно: забой шагнул вперед на добрый десяток метров; и никакой тебе нервотрепки с металлом, лесом... Отвлёкли чуток, правда, неожиданно нагрянувшие две делегации с соседних шахт. Но то были свои люди — проходчики, и потому они меньше всего спрашивали, а больше смотрели на работу скоростников. «Из-под носа, считай, увели полтора-два метра ухода,— посетовал на гостей Устинов. И уже добродушно-шутливо:— Но это мы спишем по статье «обмен опытом». Они, гости-то, нам тоже кое-что подсказали».

И потому, что работа в забое спорилась, выходил на-гора Устинов в настроении приподнятом. Принял душ в шахтовой мойке. По давнишней привычке, прежде чем отправиться домой, заглянул на участок.

Еще с порога кабинета услышал он зычный мужской голос, который, перекрывая шум спорящих людей, вещал: «А я утверждаю: быть такого не может!»

Из-за чего сыр-бор разгорелся на участке, Устинов определил сразу. И обладателя зычного голоса — главного инженера одной из шахт города — Виктор Романович тоже узнал сразу. Только подумал: «Что за напасть такая: две делегации еще под землей, в забое, и третья уже здесь...» Начальник же участка появлению Устинова аж обрадовался:

— Вот, Виктор Романович, разбирайся. Мне веры нет.

Гость с ходу взял Устинова в оборот:

— И ты будешь утверждать, что в полчаса цикл берет?

— Иногда и быстрее,— спокойно ответил Устинов.

— Брось, бригадир,— скислился главный.— Я ж всю жизнь на проходке...

Вот эта брезгливо-кислая физиономия гостя больше всего и возмутила Устинова. Красные пятна пошли по его лицу. В кабинете наступила тишина. Желая успокоить Устинова и хоть как-то притушить готовый вот-вот вспых-

нуть конфликт, Виктор Анатольевич Зеленин, начальник участка, сказал:

— Жаль, Виктор Романович вот только из мойки...

— А бумажкам вашим веры мало,— запальчиво подвел итог спора гость.

— Тогда ныряем в шахту, сейчас же,— зло предложил Устинов.

Пришлось снова облачаться в робу, спустаться под землю, длинными коридорами добираться до забоя.

Гость и хозяин встали по разные стороны выработки, поодаль от комбайна. Только зря старались — и внимания не обратили на них работающие в забое проходчики. Не спеша, размеренно (со стороны посмотреть — вроде бы и с лещой даже) делали они свое дело. Рабочий орган комбайна размалывал угольную твердь, стальные лапы-захваты, словно клешни рака, подгребали уголь на погрузочное устройство, перегружатель ссыпал его в вагонетки... А потом все дружно взялись устанавливать металлическую арочную крепь, перетягивать борта выработки и кровлю деревянной плахой. Через двадцать четыре минуты очередной проходческий цикл был завершён — готовая выработка шагнула вперед еще на восемьдесят сантиметров. Комбайнер встал за рычаги управления — все можно начинать сначала.

— Ну, Романыч! — только и сказал гость.— Где орлов-то таких набрал?! Поделись секретом.

Он охотно делится секретами — бригадир Устинов. Не жадный. Только секрет этот — вся его жизнь.

Шахту завещал ему отец, работавший здесь в годы военные и послевоенные. В 1949 году отца сменил сын. Поначалу работал самые разные работы, потом шестнадцать лет монтировал в шахте щиты для добычи угля с крутых пластов; предложили стать проходчиком — пошел. «Лопатой намахался на всю жизнь,— вспоминает сейчас.— Только уважение к ней не потерял, нет». А когда двенадцать лет назад пришел на шахту первый проходческий комбайн, Устинову доверили осваивать его, поставили бригадиром.

Комбайновая проходка в сорокалетней истории шахты — красная строка. И написана она бригадой заслуженного шахтера РСФСР В. Р. Устинова.

Неказистым с виду и маломощным по сегодняшним меркам был тот первый проходческий комбайн — 4ПУ. Он был первым и для шахты, и для каждого из вновь созданной бригады. Практиковались горняки на других шахтах бассейна, где эта техника была не в новинку. До многого доходили своим умом. Первые механизаторские навыки приобретали будущие комбайнеры Михаил Васильевич Эдоков, Александр Семенович Тихонов, Валерий Семенович Чирков, сам бригадир — по складу характера спокойный и рассудительный, а по возрасту старший в бригаде — он был для всех примером в учебе.

Рекордов тогда бригада не ставила. Они придут к коллективу чуть позже, вместе с новой техникой, в новых условиях и обстоятельствах.

«Дальние горы» — шахта пожароопасная. Постоянно часть подготовленных к выемке запасов топлива оказывается в зоне пожаров, запрограммированных заранее и возникающих неожиданно, как стихийное бедствие. И тогда, помимо борьбы с пожарами, приходится, как говорят, в авральном порядке прокладывать новые пути к запасам угля. Это во-первых. А во-вторых, сама технология отработки пластов постоянно ставит угледобытчикам подножку — лавы нарезаются с малыми запасами топлива, обрабатываются быстро, и потому их приходится часто заменять, то есть вводить в работу новые. И в том и в другом случае на переднем крае работ — проходчики. Замешкайся они на какое-то время, сорви план — и шахта останется без добычи, а отсюда, естественно, все издержки экономические и моральные.

Вот уже добрый десяток лет бригада В. Р. Устинова не подводит шахту. Больше того, она выручает ее в самых критических ситуациях. Как, например, в декабре прошлого года, когда из-за возникшего пожара пришлось занеремичить более полумиллиона тонн готового к выемке угля. Тогда за двадцать четыре рабочих дня бригада В. Р. Устинова

комбайном ГПК прошла 1653 метра конвейерных и вентиляционных штреков, подготовила к отработке две лавы. Сравните: среднемесячная скорость комбайновой проходки в Кузбассе — 175 метров.

Но конвейерные и вентиляционные штреки — это подземные выработки относительно небольшого сечения, в пределах семи с половиной-восьми квадратных метров. Здесь скоростью за тысячу метров в месяц кузбасских проходчиков вообще-то не удивишь. Другое дело — выработки двухпутевые, так называемого основного направления: у них и габариты в два раза больше, и трудоемкость работ значительно выше.

Как раз на этих работах бригаде В. Р. Устинова нет равной в Кузбассе. Она обладатель нескольких всесоюзных рекордов проходки выработок основного направления комбайном — ПК-9Р. Последний из рекордов — 1302 метра в месяц; производительность проходчика на выход — 1,46 метра.

Школой скоростных проходок называют сейчас в Кузнецком бассейне бригаду В. Р. Устинова. И здесь действительно есть чему поучиться.

— Только скоростная — это не самоцель, — всегда подчеркивает бригадир. — Это производственная необходимость. А раз так, организация ее — дело не только рабочих, но и инженеров, и руководителей предприятия. Тут важен расчет, бесперебойное снабжение материалами, мастерство исполнителей. И — характер бригады.

Характер бригады... Что это такое?

Четыре года назад предстал перед директором шахты В. П. Рудницким ладно скроенный паренек, выпускник горного техникума. Промотрел Василий Петрович его документы, поинтересовался: «Не родственник нашему Устинову приходиться?» Получил утвердительный ответ, обрадовался: «Сам бог тогда велел тебе, Сергей, работать вместе с отцом». И назначил молодого специалиста горным мастером в бригаду В. Р. Устинова.

А на другой день сиял. По настоятельной просьбе отца, Виктор Романович убедил: «Хо-

чень знать проходку — начинай с рабочего, а не с мастера. Другого пути для сына не вижу».

Три года постигал Сергей искусство первоходца. Сейчас комбайнер.

— И все равно чувствую, маловато еще знаю-то,— признается без ложной скромности.— Потому снова пошел в техникум, на разработчика, на вечернее отделение.

Виктор Романович Устинов предложил как-то: в заводской ремонт комбайн не отдавать, там, мол, не столько ремонтируют, сколько изъяны закрашивают. «Лечить» машину стали сами, в шахте, в мехцехе. И дешевле это обошлось, и быстрее, и лучше. «Нам оценку ставить не надо,— говорит бригадир.— Для себя стараемся. А вот ремонтной службе Кузбасса жирную двоечку с удовольствием бы вывел».

Шестой год водит бригада подземными дорогами свой ПК-9Р. И как водит — рекорды ставит! А ведь комбайн этой марки уже с производства-то снят.

— Я как-то на теплоходе по Волге путешествовал, от Москвы до Астрахани,— рассказывает бригадир.— Три дня из отпуска сэкономил, зашел в Министерство угольной промышленности. Доказывал специалистам, что рано еще хоронить ПК-9Р. Они мне не сильно поверили — выделили шахте комбайн новой марки, с дистанционным управлением. Хороший комбайн, но мы не пожадничали — передали его на другую шахту, наш-то старичок еще в строю, очередную скоростную на нем пойдем.

По четыре с половиной-пять километров горных выработок проходит ежегодно бригада В. Р. Устинова. И в условиях далеко не идеальных. Скорость эта по крайней мере в два раза превышает среднекузбасские темпы продвижения подготовительного комбайнового забоя. Легко ли это дается?

Очень трудно! Только сверхнаивный человек может предположить, что-де, если работает бригада на комбайне, то и забот особых не знает. А их как раз полон рот. И чем выше скорость, тем больше физическая самоотдача: выработанное пространство надо закрепить, настелить рельсовый или конвейерный путь, доставить уйму материалов в забой... И все это руками, главный инструмент в кото-

рых топор, лопата, кувалда. Словом, в фуфайке в скоростном проходческом забое не работают. Ни условия не позволяют, ни — главное — совесть.

Скоростной подземный рейд — работа адская. Но вот какой парадокс, по крайней мере в бригаде В. Р. Устинова: чем напряженнее трудовой ритм, чем выше интенсивность труда — тем меньше всевозможных ЧП под землей и на-гора типа аварий, травм, выливов, прогулов и т. п. По единодушному мнению специалистов шахты, рабочих бригады, высокоорганизованный труд просто-напросто исключает возникновение различного рода негативных явлений. Сама по себе истина эта проста, подтверждена многолетней практикой лучших шахтерских коллективов бассейна.

Ну, а способен ли коллектив всегда работать в скоростном режиме? Безусловно. (На это, кстати, настроены и сами проходчики устиновской бригады.) Но для этого необходимы по крайней мере два обязательных условия: грамотная инженерная организация скоростной проходки и способность самой бригады вести ее. Условие второе налицо. Бригада В. Р. Устинова — коллектив спаянный, организованный, высокопрофессиональный. Условие первое, увы, не всегда обеспечивается. Значит, потенциал той же устиновской бригады используется не полностью. Это дорогие потери.

Выход, хотя бы в форме производственного эксперимента, нам представляется один — создание специализированного проходческого подразделения для производства работ на ряде шахт рудника или объединения. И пусть на первых порах в таком специализированном подразделении (как оно будет именовано — не суть важно) будут собраны лишь скоростные проходческие бригады. Фронт их работ «по разнарядке» — любая из шахт того же Киселевского рудника. А еще проще: шахта должна нанимать такую бригаду, обеспечивая ей полную загрузку. С другой стороны: в прямых интересах бригады выполнить договорный объем работ и быстро и качественно.

Налицо, таким образом, естественная необходимость перехода на бригадный подряд, краеугольный камень которого — хозрасчет. И не надо в данной ситуации подряд организо-

вывать, и не надо за него агитировать; характер работ, структура организации производства приемлет здесь именно подряд — и ничто другое.

Что греха таить: подряд у нас пока в большинстве случаев не инструмент экономной экономики, а дань моде. Помню, еще совсем недавно, всего несколько лет назад, в пору особенно острых призывов о необходимости повсеместного внедрения бригадного подряда, ученые мужи из Кузбасского политехнического института разработали аж целую методику его — пятьдесят (!) страниц текста. Методика, конечно же, вещь полезная, а в иных случаях просто необходимая, хотя бы потому, чтобы не заблудиться в трех соснах. Но ни одна, даже распрекрасная во всех отношениях методика, не способна еще двинуть вперед живое дело.

Ах, как часто мы еще дело ясное (подрядом при царе Горохе Кижн на Руси строились!) обволакиваем завесой тайн и ложных премудростей.

Обратимся к аналогии и вспомним дела не столь далеко минувших дней. Это сейчас у производителей-угольщиков не режет слух аббревиатура УМРГШО. А ведь всего несколько лет назад создание этой специализированной организации — управления по монтажу, демонтажу и ремонту горношахтного оборудования — многими было встречено в штыки. (Справедливости ради заметим, что до сих пор есть ярые приверженцы старины и не менее ярые противники этого УМРГШО.) Практика же убедительно доказала: лучшие специализированные бригады монтируют очистной механизированный комплекс за 10—15 дней, тогда как бригады шахтовые растягивали эту работу до полутора-двух месяцев.

Что, боги собрались в УМРГШО? Да нет... «Горшки обжигают» те же смертные — те же монтажники, что раньше работали на шахте, а теперь трудятся в специализированном управлении. И вовсе не случайно, что такие, например, специализированные монтажные бригады, как Ю. Овчинникова или С. Букеля, выполняют за год работ на полмиллиона рублей. И не снились такие объемы шахтовым монтажникам...

Безусловно, каждое сравнение хромает. И монтаж механизированного комплекса — это не проходка. Но в той или иной вариации производственный эксперимент необходим. Ведь с каждым годом растут в бассейне не только объемы проходки. Растет трудоемкость этих работ. И брать в дальнейшем не умеем, а числом — значит хозяйствовать неразумно. Директор одной из киселевских шахт, когда я спросил его, не желает ли он видеть в своих подземных забоях устиновскую бригаду, ответил заинтересованно просто: «С руками бы оторвал!»

А у бригадира постоянное беспокойство: что ни год, то новые заботы с кадрами. Потому что ко всему прочему — щедр еще Устинов. А точнее — живет заботами большого коллектива шахтеров. Создается на шахте новая проходческая бригада — и костяк ее — устиновские воспитанники. Требуется расторопный дельный вожак нового коллектива — и прощайте лучшие устиновские комбайнеры. Сейчас уже пять комбайновых бригад на шахте — из гнезда В. Р. Устинова. Трое из могикан 1971 года и осталось-то всего... Приходит молодежь — выпускники профессионально-технических училищ и горных техникумов. И постигают они премудрую науку шахтерской жизни от убеленного сединами ветерана. Требовательного и доброго, влюбленного в свое дело человека.

Видел, как жарким июньским днем угощал во дворе своего дома Виктор Романович ребят из бригады прозрачной и холодной колодезной водой. Ходил по кругу из рук в руки огромный ковш. Постановывали от ломоты в зубах парни. А Виктор Романович все переспрашивал: «Вкусна вода-то? А почему, думаете? У меня колодец особенный, единственный такой на всю округу. Когда рыл, подсек маленький, в ладошку, пластик угля. Через него-то и фильтруется вода. И вкус отсюда, и чистота ее».

Заглядывали в сруб молодые шахтеры, дивились чуду. И мудро безмолствовали на горизонте дальние горы. И совсем рядом ждали их свои «Дальние горы» — родная шахта. Скоро на смену.

Евсей Цейтлин

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОВИНЦИЮ

(Из венгерского дневника)

ДОРОГА В «ОБЫКНОВЕННЫЙ» ГОРОД

Я ехал в поезде на север Венгрии — в Шалготарьян. Мелькающие пейзажи казались вставленными в раму окна: сады, поля. На станциях в вагон входили новые пассажиры — старики и старушки, семьи с детьми, влюбленные, которые старались найти отдельное купе. Через окно я глядел на тех, кто выходил из поезда. Они шли по старым, в течение многих веков протоптанным дорогам. А я думал: как живут они в своих маленьких красивых домах и в современных многоэтажках, что высились на холмах? Чужая жизнь манила к себе, как неразгаданная тайна.

В Венгрию часто ездят за опытом. Кто изучает сельское хозяйство, кто торговлю, кто работу школ. Я ехал в венгерскую провинцию.

Провинция... Есть что-то щемящее в самом этом слове. Русские классики писали о тоске и унынии захолустных городков, о дикости уездных нравов, о гибели талантов в глуши. «В Москву! В Москву! В Москву!» — как заклинание, повторяли героини Чехова. Минули годы, минула жизнь, о которой писали классики; но проблема провинции осталась, хотя и стала иной.

В Венгрии, говоря о провинции, мне напомним две цифры: население страны более десяти миллионов человек, из них два миллиона проживает в Будапеште. В течение многих лет венгерская провинция отдавала столице все лучшее, а сама скудела. Так вызревал, становился неизбежным процесс, который специалисты называли децентрализацией, а неспециалисты просто подчинились ему — так подчиняешься потоку жизни.

Почему сегодня в Венгрии не покидают провинцию? Почему люди сами уезжают из сто-

лицы? Я думал об этом по пути в Шалготарьян. «Ну что там интересного! — заботливо предупреждал Иван Фельдяк, работник Союза писателей. — Обычный промышленный город — уголь, чугун, сталь, чуть больше сорока тысяч жителей...» Только мне-то как раз и хотелось познакомиться с «обыкновенным городом».

Спасибо Шалготарьяну! Я понял здесь главное: «обыкновенный» город в Венгрии — значит, не похожий на другие.

Это бросалось в глаза сразу: центр рабочего Шалготарьяна застраивался по проекту знаменитых архитекторов Гезы Мадьяра, Дердя Яноша, Йожефа Финта, Дердя Срока. Потом проект получил премию на одной из выставок в Венеции. Что привлекало здесь? Органическое сочетание гор окрест и городского пейзажа. Возвышались современные дома-башни, а вместе с тем центр города был уютным, каким-то домашним — свои уголки имелись у влюбленных, хозяек, детей. «Город из бетона, — сказал кто-то в Шалготарьяне. — Но у него есть сердце, нервная система, а также кровообращение...» Я легко убедился в этом.

Я немало бывал и жил в небольших городах. Но в Шалготарьяне многому удивлялся. Удивился, к примеру, узнав, что каждое лето город организует международный лагерь художников-графиков. Им бесплатно предоставляют жилье, мастерские, возможность поездок по Венгрии. Оказалось, у хозяев есть и свой расчет. Меня повели в картинную галерею — молодую, но уже со сравнительно большим фондом; многие работы были подарены Шалготарьяну его гостями. Хотя, может быть, важнее было иное: здесь думали о психологическом эффекте подобных международных встреч. В книге о городе я прочитал такие слова: «...по крайней мере два-три раза в год о Шалготарьяне говорит вся страна». Страна го-

ворит о Шалготарьяне и во время проходящих здесь всевенгерских семинаров по мультипликационным фильмам, выставок эмали, скульптур, традиционного весеннего вернисажа. Еще сюда приезжают специально, чтобы посетить уникальный подземный музей-шахту или этнографическую «живую деревню» Холлок...

Тот же «характер» был и у других городов. Печ славился своим балетом. Секретарь Союза писателей Венгрии Золтан Фабиан рассказывал мне о симпозиумах социографов в Кечкемете, о «лагерях писателей» в поселке Токай под Мишкольцем: там проходит интересные дискуссии о литературе, в которых участвуют и читатели. А в Дебрецене я долго листал план работы центра культуры им. Ф. Келчеи; план этот менее всего напоминал о том, что Дебрецен — провинциальный город: меня приглашали на фестиваль военных оркестров и концерт всевенгерского лагеря народной музыки, международную встречу автомобилей-мотоциклов-ветеранов и знаменитые дебреценские джазовые дни...

Как все-таки объяснить это стремление провинции во что бы то ни стало оказаться в центре внимания? Что это — погоня за дешевой популярностью? Мечта какого-нибудь Урюпинска хоть ненадолго стать столицей? Скорее понимание: человек не может жить в захолустье, ему надо знать, что его поселок или город не просто «точка на карте» — достопримечательность. В венгерских городках сегодня в этом уверены многие жители. Не здесь ли и ответ на вопрос, почему с каждым годом разрастается венгерская провинция.

Разумеется, действуют экономические рычаги. Конечно, сказалась тенденция, характерная для многих стран мира: человек уходит все дальше от шумных городов — все ближе к взрастившей всех нас природе. Но вместе с тем зримо различимо и другое: в маленьких городках Венгрии идет культурное строительство. Идет не по пути повторений столичных образцов. Каждый район стремится как бы обрести свое лицо, выявить собственную индивидуальность.

Я добросовестно пытался понять жизнь венгерской провинции, хотя, наверное, многого не понял. Заходил в молодежные дискотеки и клубы пенсионеров; бродил по улочкам Сент-Эндре, где живут в основном художники и писатели; вникал в работу провинциальных театров, журналов и газет, лагерей юных читателей. Недалеко от Шалготарьяна слушал исповедь старейшего венгерского скульптора Иштвана Сабо: он прожил в провинции всю жизнь, хлебнул здесь горя, но узнал и всемирную славу.

Все эти дни я вел дневник. Вот некоторые его страницы.

В Ниредьхазе я пришел в библиотеку. Это была обычная библиотека обычного областного центра. Я никуда не торопился, отказавшись утром от поездки в совхоз. Я поступил так не только из интереса к местной культуре: скорее причиной было личное. Я провел в библиотеках полжизни: стоял в очередях, заказывая книги; жевал бутерброды в плохих библиотечных буфетах, встречался с друзьями в дымной курилке; дремал, как и мои соседи, прямо за столом, просидев с книгой целый день. Теперь, в чужой стране, мне захотелось неторопливо побродить по библиотеке — почувствовать ритм ее жизни, а может быть, узнать в других свою юность.

Стоял июнь — сезон отпусков, когда читальные залы пустуют. К тому же уже третий день не спадала жара.

Молоденькие библиотекариши пили кофе, улыбались гостям и болтали о чем-то своем. Юноша в черной майке листал у стеллажа один из томов британской энциклопедии. В секторе хобби два пожилых коллекционера спорили, раскрыв каталог марок. Через окно я увидел, как грузили пачки книг в красный микроавтобус: библиотека выполняла заказы пенсионеров и больных. В детском отделе, сидя на деревянных крокодильчиках и черепахах, рассматривали книги малыши. Здесь было неожиданно тихо — тише, чем в других залах: дети подражали взрослым — пока они еще только играли в библиотеку, но играли старательно.

Я шел и пытался не удивляться технике, которой нет в большинстве наших провинциальных библиотек. Ну, конечно, замечательно, когда книги из хранилища бегут по конвейеру, экономя время и силы; хорошо, что у библиотеки своя типография — можно быстро нанечатать афиши к предстоящим мероприятиям, а при надобности и небольшие буклеты, брошюры; великолепно, что здесь и кинозал, и сценическая площадка... Но, увы, техника бывает мертва. Меня интересовали люди. Я хотел понять их ежедневные, всегда утомляющие вопросы, потому что о достижениях думаешь в дни праздников и отчетов, а из проблем состоит жизнь.

Директор Габриелла Хорват — элегантная женщина, она не скрывала возраст, седые волосы, морщинки, однако хорошо скрывала усталость и занятость. Она гостеприимно готова была называть показателя и цифры, но, по-моему, ей куда приятнее было чуть расслабиться посреди рабочего дня и, забыв о его течении, говорить про то, о чем болела душа.

У меня много знакомых библиотекарей. Это нередко люди с несложившимися судьбами,

отчаявшиеся найти личное счастье и нашедшие радость в непоказной преданности книге. Габриелла Хорват была другой. Глядя на нее, хотелось думать о гармонии мира. И все же чем-то — я долго не мог понять, чем — она походила на своих русских коллег. «Что может сделать библиотека в провинции? — Резкий красивый голос Габриеллы Хорват дрогнул. Она не хотела преувеличивать. — Все... И ничего. Строить культуру труднее, чем дом. Здесь не может быть средней выработки».

Она подливала в рюмки сливовую водку, подвигала виноград «изабелла» и печенье, а сама рассказывала о вещах, которые казались мне поразительными. То, что делали Габриелла Хорват и ее сотрудники, я бы назвал созданием неповторимой культурной среды.

Человека всегда тяготит стандарт. Он не хочет довольствоваться суррогатами духовности. Он ищет уникальное в настоящем, ищет уникальное и в прошлом.

«Люди не могут без памяти, — сказала Габриелла. — Мы память города».

Это не прозвучало выпендрено. В краеведческом отделе она подвела меня к небольшому металлическому ящику. Тут хранились микрофильмы: на пленку были засняты все номера местной газеты за последние сто лет. Рядом стояла картотека городских достопримечательностей: здесь были подобраны не только факты и даты — фотографии одних и тех же мест, сделанные в разные десятилетия. Я смотрел эти фотографии вместе со школьниками. Я многое прочитал на лицах ребят. Вот улица, по которой ходили деда, а вот дом, возведенный в год рождения отца... История оказывалась тут очень близкой — гораздо ближе, чем на странице учебника.

«Кстати, не похожая на другие должна быть и городская библиотека», — сказала Габриелла. Что она подразумевала под непохожестью? Библиотека носила имя Жигмонда Морица, и только она, эта небольшая библиотека в Ниредьхазе — одна среди всех других библиотек мира, — проводила международные встречи переводчиков Морица. Понятно, Габриелла Хорват имела в виду и интерьер. Я видел здесь не только сделанную по особому заказу мебель, уютные холлы и уголки, но и произведения виднейших венгерских скульпторов, живописцев, графиков...

Впрочем, тут важно уточнить. В одном из новых районов города я заходил в квартиры новоселов, и почти в каждой тоже висели работы графиков или репродукция картин живописцев. И опять-таки то были зачастую мастера с именем. Работы эти, пока принадлежащие отделу культуры, новоселы получили как бы «в придачу» к квартире. Порядок был таков: если произведение вам не нравится, вы можете его поменять или отдать назад. Если

же через три месяца работа осталась у вас, ее стоимость будут высчитывать вместе с квартирной платой. Но пока можно не торопиться, подумать, есть время. Кстати, кроме самого произведения, хозяева получают еще и подарок от работников библиотеки — статьи и буклеты о творчестве живописца или графика.

Случайно ли то, что библиотека, которую не спутаешь с другими, помогает человеку понять самого себя? Разумеется, для этого нужно хорошо знать читателя. Оказалось — знают. Не только сегодняшнего, но и предполагаемого, который еще не пришел. Я убеждался не раз: за цифрами они умеют видеть людей. Не доверяя средней статистике, тут проводят собственные социологические исследования. И выясняют, к примеру, что самый нечитающий читатель — это крестьянин в возрасте от двадцати до сорока лет. И они отправляются в деревню, привозят с собой книги, которые, по мнению социологов, должны заинтересовать потенциального читателя. Несколько лет назад подобный маршрут прошел через рабочие общежития.

Признаюсь: здесь я подумал о самих библиотекарях. Как успевают они справляться со всеми этими делами, не входящими, вроде бы, в их прямые обязанности? Какая у них зарплата? Где берут транспорт?

Оказалось, многое делают общественники, зарплата у библиотекаря в среднем около двухсот рублей в месяц, транспорт у библиотеки собственный — три автобуса. Кстати, на этих же автобусах для самых активных читателей устраиваются поездки по литературным местам Венгрии.

День в библиотеке был долгим — о чем рассказать еще? Снова вернусь к древней проблеме: читатель и книга — вспомню о конкурсах читателей.

Сначала я недоумевал: в чем тут соревноваться — неужели в количестве прочитанных книг, но вот я держу в руках материалы последнего конкурса — среди беременных женщин и молодых матерей. «Мы провели такой конкурс, — говорила Габриелла, — потому что в это время многие вообще перестают читать».

Перед конкурсом обычно вырабатывается программа чтения: здесь десять-двенадцать романов. Вопросы же — самые разные. Они касаются и частностей, и деталей, о которых не скажешь, если не читал книгу, и философской идеи автора. Одно из главных условий — мешаблонность ответов.

А соревнуются друг с другом читательские дневники. По почте тебе пришлют небольшие красивые тетрадки, где типографским способом отпечатаны вопросы. Как правило, более половины тетрадок возвращаются потом назад, уже заполненными. Конечно, приз заманчив — около двух тысяч рублей.

Я взял себе на память читательский дневник двадцатилетней женщины, медсестры городской больницы. Торопливо разбегались в тетради крупные буквы. На обложке был нарисован силуэт матери, низко склонившейся над ребенком.

...Мы прощались с Габриеллой Хорват в загородном ресторанчике, куда собрались представители местного отделения Национального фронта. Это была старинная корчма с узкими лестницами на второй этаж, с дубовой, на века сделанной мебелью, расшитыми полотенцами на стенах. Мы сидели за большим общим столом, тут журчала, клокотала, взрывалась смехом незнакомая мне речь. Громче всех смеялась Габриелла Хорват. Я перебирал в уме ее жизнь: педагог, руководитель пионерской организации области, заведующая районным отделом культуры, партийный работник, директор библиотеки... Это был не послужной список администратора. Это была дорога Дон-Кихота, который всю жизнь воюет за одно и то же.

ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ СТЕПЬ?

«...Между тем перед глазами ехавших растилалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается...»

Я выписал эти слова из знаменитой чеховской повести — вспомнил их, когда мы проезжали венгерскую степь Хортобадь. Стада овец, аистовые гнезда на одиноких деревьях, колодцы для журавлей... Непривычно было смотреть на все это после шумной автострады: двадцатый век часто сметает на своем пути патриархальное, грубо вторгается в жизнь природы.

▼ Сегодня исчезает многое из того, что было привычным вчера, поняли в Венгрии, — может исчезнуть и степь. Так в 1973 году в Хортобадь был создан Национальный парк. Теперь сюда приезжают тысячи людей — не только венгры, но и туристы из многих стран Запада и Востока. Это может показаться неожиданным: что делать в степи туристу? Но человека сейчас все больше притягивает первозданное. Я видел счастливые лица людей, катавшихся по степи в колясках, видел, как самые решительные управлялись верхом на лошадях. Немолодая супружеская пара, итальянцы, с какой-то неясной жадностью осматривала музей пастушеского быта. Четырехлетний малыш не хотел отходить от одетого в нацио-

нальный костюм табучника... На старых фермах, разбросанных по степи, туристов угощали вином и сыром, они жили в деревне, где новые дома построены в стиле прошлого века; ловили рыбу в озерах, могли, если повезет, посмотреть традиционный фестиваль конников... Это тоже была провинция.

Я пробыл в Хортобадь несколько часов: стоял у своеобразного, может быть, единственного в мире памятника пастуху, долго слушал в корчме пение цыган, созвучное простору за окном; и вдруг подумал: нет, совсем не обязательно противоречат друг другу жеребенок и паровоз — символы деревни и города, которые когда-то мучительно не мог совместить Сергей Есенин. Патриархальное и современное легко соединяют человеческая рука, человеческое сердце, мудрое своей памятью о прошлом и неизбывной надеждой на будущее.

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С «ПОЧЕМУ»

Летом по всей Венгрии рассыпаны, как грибы, лагеря юных читателей. В гостиницах, театрах, просто в пути я часто видел группы ребят, о которых мне говорили коротко: «Читатели!»

Лагеря читателей — явление уникальное, о них нельзя писать «мельком». Но я не могу и промолчать: здесь новые штрихи к портрету провинциальной Венгрии.

Я был в нескольких таких лагерях, а потом прочитал изданную в Венгрии книгу: руководители ребят подводили первые итоги своей работы. Книга задумана как диалог, в ней нередко продолжались споры, начатые в жизни. И, кстати, речь шла о неточности самого названия — «лагерь юных читателей». Конечно, здесь учат не только читать — учат мыслить, рассуждать: человеку помогают стать личностью. Да и руководят лагерями не одни писатели и библиотекари — композиторы, астрономы, философы, физики...

А приезжают сюда подростки: половина лагерей организуется для двенадцати-четырнадцатилетних, половина — для пятнадцатишестнадцатилетних ребят. Известно, что подростки особенно остро ощущают дисгармонию мира, в их душе нередко возникают трагические конфликты, которые порой не удается преодолеть. Лагерь читателей не только не избегает этих противоречий, но и сосредоточивает на них внимание.

Я выписал из той же книги вопросы, которые задают здесь ребята. «Почему люди расходятся? Почему мой дядя покончил жизнь самоубийством? Почему мне изменила девушка, в которую я был влюблен?» Эти вопросы по-своему отражают ту часть жизни, которую мы зовем интимной. Но есть и другие — отве-

ты на них должны помочь постичь мир: «Что такое человек? Что такое вера? Что такое социализм? Что такое терроризм?.. Где кончается мир? Когда погибнет солнечная система? Что такое будущее?..»

Дискуссия — вот типичная форма работы лагерей читателей. Однако тут нередки и вечерние беседы, скорее напоминающие исповедь. Вот уже улеглись в постель, погашен свет, где-то квдалеке сидит руководитель... И тогда можно сказать о самом сокровенном, больном. Признаться: «у отца есть любовница, хотя моя мама красивая, привлекательная женщина». Можно помечтать — положим, о том, «что было бы, если бы умели летать, как птицы»...

Руководители местных отделений Национального фронта, журналисты, партийные работники говорили мне, какое большое значение придают они лагерям юных читателей. Говорили, что это преддверие тех реформ, которые необходимы в системе образования. Конечно, очень многое должна дать ребятам школа. Но, во-первых, сейчас школа уныло дидактична, а потому, считают организаторы лагерей читателей, не всегда эффективна. Вторых, на уроках мир неизбежно расчленяют на учебные предметы. Лагерь читателей вновь возвращают подросткам ощущение мира как единого целого.

Мне показался интересным опыт лагеря, где всю культуру человечества разбили на периоды: древние века, средние века, эпоха Возрождения, XX век. О каждой эпохе здесь говорили, видя борьбу добра и зла, не разрывая, но соединяя политику и философию, искания гениев музыки и математики, живописи, химии, архитектуры...

Ну а книга? В лагерях юных читателей не уходит от нее, только книга является не целью, а средством — помогает доказать мысль, которая важна воспитателю. В одном из лагерей ребятам показывают документальные фотографии — «квартира, работа, транспорт, развлечения» — различные варианты их будущего образа жизни. Требуется уже сейчас сделать выбор. Не знаю, насколько эффективен этот метод, однако сама по себе попытка помочь человеку избрать судьбу заслуживает уважения. Ведь многие из нас в таких случаях обычно топчутся на месте — очень трудно шагнуть в завтра.

В Венгрии под словом «завтра» подразумевают не только быт, профессию. Ни в школе, ни дома, убеждены некоторые венгерские социологи, ребенок не получает «реальной картины будущего... Даже в большинстве интеллигентных семей отсутствует планирование будущего, которое сформулировало бы: какими будут твои задачи, сынок, через 20—30 лет? Этот вопрос просто не возникает, говорят

лишь о том, какую профессию выберет ребенок и где можно больше заработать». А речь должна идти о нравственных задачах, в конце концов — о судьбе Родины.

Я не раз возвращался в мыслях и к лагерям юных читателей. Нет, их опыт не только в «новой работе с книгой». Воспитывая личность, тут прежде всего воспитывают граждан. Вот почему я чувствовал здесь такой интерес к национальной истории.

СЧАСТЬЕ В ШОПРОНЕ

За несколько дней до отъезда из Венгрии, в Шопроне, я познакомился с молодой супружеской парой — Беатой и Чабой Керменди. Встреча была случайной. Однако в случайности нередки кроется закономерность: Керменди были из тех, кто променял столицу на провинцию. Проблема, о которой я много думал в Венгрии, неожиданно обрела плоть и кровь, человеческую судьбу.

Чаба работал врачом: год назад окончил медицинский институт. Беата получила тем летом диплом психологического факультета университета. Почему они уехали в Шопрон? Я догадываюсь, как ответили бы на мой вопрос где-нибудь в Сибири или Поволжье. Наверное, вспомнили бы про квартиру, которую в первую очередь дают молодым специалистам, сказали бы про интересную работу — ее легче получить в провинции... Здесь все было не так. Беата и Чаба могли жить в будапештской квартире родителей. Учась отлично, они имели право выбрать любой город и любое место службы, в том числе в столице; Беату, например, оставляли работать на кафедре в университете.

Это всегда интересно — проникаться логикой чужих решений. Чаба обстоятельно рассказывал мне, почему все-таки они предпочли Шопрон. Жизнь здесь обходится даже дороже, чем в Будапеште, хотя за кооперативную квартиру, которую они сейчас купили, в столице пришлось бы заплатить больше. Но как оценить чистый воздух, отсутствие автомобильных пробок, близость к природе? «И еще... — Чаба замаялся. Он говорил о том, что ему было совершенно ясно, но что трудно выражалось словами. — В провинции чувствуешь себя незаменимым. Моим больным нужен теперь я, именно я, и никто другой. Вы понимаете?..»

А мне показалось: в долгосрочном планировании своей жизни молодая семья находила даже романтику. Беата с гордостью показывала их квартиру — временный «рай в шалаше». Небольшая комната, просторная кухня, прихожая. Эту квартиру Чабе дали сразу как молодому специалисту, потом был выбор: го-

сударственная двухкомнатная секция через год-два или — немедленно — трехкомнатная кооперативная. Они решили: кооператив! Определяющим в этом решении была опять-таки возможность выбора.

«Во-первых, мы сами назвали район. Во-вторых, можно отделать квартиру по собственному вкусу. В-третьих, эта квартира большая, а нам надо думать о потомстве...»

Беата не смутилась, произнесла последнюю фразу. Эти вопросы обсуждаются в Венгрии без ханжества, я бы даже сказал на государственном уровне. Сейчас у Керменди годовалая дочурка, которую пока воспитывают родители Беаты. Если в течение пяти лет у них родится еще один ребенок, сберкасса, предоставившая кредит на квартиру, «простит» часть долга. А бюджет Керменди также распланировали заранее. Они точно знают, куда израсходуют свою будущую зарплату: машина, заграничные путешествия, минимум мебели — пока послужит та, что служила еще родителям. Кстати, кое-какие сбережения уже есть: оба постоянно работали в период студенческих каникул.

Жизнь не уместается в схемы. Кто-то назовет моих новых знакомых мещанами. Но я видел у них огромный стеллаж с книгами и пластинками. Беата больше любит стихи, Чаба прозу: увлекается русскими классиками, Франсом, Хемингуэем. Да, в чем-то их жизнь регламентирована, но так ли уж это плохо в наш суетный, спешащий век? Тем более, что в «регламент» попадает и искусство: два раза в месяц они ходят в театр, четыре раза — в кино. Я спросил: как можно в Шопроне посмотреть так много спектаклей? Рядом есть

маленькие городки со своими театрами, есть передвижные группы, наконец, и Будапешт не так далеко — чуть более двухсот километров.

Потом мы бродили по Шопрону. Город точно пришел из старой сказки: его улицы уходили вдаль, переплетались, путались, терялись, притягивали загадкой. И я почти услышал слово, не произнесенное «рационалистами» Беатой и Чабой: влюбленность. Конечно, они стремились сюда давно, может быть, всю жизнь. И вот пришли, сказка стала реальностью.

Нигде и никогда они не найдут другой такой город. Все здесь уже стало своим: виноградники, в которые прячутся дома, монастырь бенедиктинцев, готическая церковь — ей более шести столетий; кабачок, куда они приходят по вечерам с друзьями.

Я долго не хотел уходить из древней каменоломни. Добычу камня тут начали еще римляне две тысячи лет назад. Со временем внутри горы образовались огромные залы. В годы второй мировой войны здесь прятались салашисты, под этими сводами были расстреляны сотни патриотов. Может быть, по-своему символично, что сейчас в бывшей каменоломне — театральная зала. Среди камней, пропитанных воздухом переменчивой истории, стоят плетеные кресла, в трещинах и расщелинах притаились софиты, которые вспыхивают по вечерам.

Беата читала здесь стихи. А я подумал, что чужая жизнь тоже похожа на театр. Не только потому, что ты никогда всего не поймешь в ней, но и потому, что рано или поздно приходится расставаться — занавес закрывается.

Геннадий Чупин

ПРАВОТА ДОБРОТЫ

Случилось так, что с творчеством Владимира Конькова я познакомился в дороге. Отправляясь в командировку, купил на автовокзале сборник его рассказов «Уголок свиданий»*. Когда автобус выехал из города, я раскрыл книгу, но с первых же страниц понял, что передо мной — не дорожное чтиво, а серьезная, требующая уважительного, неторопливого внимания проза. Проза, которая воспринимается в одиночестве и тишине.

Уже потом, вечером, в гостиничном номере, опять открыл книгу — чтобы закрыть ее под утро на последней странице. Я испытывал удивительное ощущение: словно только что познакомился и всласть наговорился с интересным, умным и, самое, может, главное, — очень добрым, хорошим человеком.

...Для читателя немаловажно, каких проблем касается автор, в какой социальной среде действуют его герои. Недаром существует самый первый, немного наивный читательский вопрос: «А про что эта книга?»

О чем же рассказывает Владимир Коньков?

Ему наиболее знакомы и дороги наши небольшие шахтерские поселки, которые уже не села, но и не города еще. «За тополями, поодаль от шоссе, лежала родная деревня. Собственно, деревни уже не было... В деревне хотя и поселилось много пришлых горняков с новой шахты, обычаи деревенские соблюдали, счет родне вели строгий, жили

письмами да слухами про детей и внуков, а когда случалось кому-нибудь приезжать, гости собирались званные, незванные», — такая типичная «сценическая площадка», на которой разворачивается действие рассказов В. Конькова.

В деревне селятся «пришлые горняки», селяне перебираются в город. Если герои В. Конькова горожане, то, как правило, — в первом поколении. Мудрено ли, что они, выросшие среди полей, испытывают настоящую тоску по своей деревенской родине. Вот потому-то и уехал шахтер Григорий Иванович Шевцов из рассказа «Поехал он к Черному морю» с этого моря, чтобы отвести душу и поработать не под землей, а на земле: ежегодно он убирает хлеб в селе Листвянке, где ждет его кум и встречают крики петухов. Именно в родную деревню приехал, вернее, тоже сбежал (с гастролей) актер Игорь Шилов, когда стало ему невозможно от творческих неудач. И здесь к нему приходит вера в свои силы, он обретает мужество и надежду.

Впрочем, профессии, подобные этой — актерской, являются для героев Конькова, пожалуй, исключением. Как правило, он изображает судьбы людей простых, внешне ничем не примечательных. Изображает, не приглядываясь к ним, так сказать, с некоторого возвышения. И доносит до нас их глубинную, стержневую суть, разглядеть которую доступно только очень внимательному и доброму взгляду. Именно о таких людях — рассказы

* Владимир Коньков. Уголок свиданий. Кемеровское книжное издательство, 1982.

«Летят утки и два гуся», «Письмо из Таловки», «Рябина у крыльца» и другие.

У этих простых людей очень непростые судьбы. Как, например, у Дарьи Саввичны и ее мужа Афанасия Сидоровича, о которых повествует рассказ «Письмо из Таловки» — один из лучших в книге. Афанасий Сидорович, мастер на все руки, не любит долго жить на одном месте. Надежда его жены, чтобы с «годами его непосредство отошло, уж за войну ли он не намаялся!» — не сбылась. Опять мотается муж по стройкам, при этом работает ревностно, не жалея себя. Устав от кочевой жизни, Дарья Саввична в один из очередных переездов отказалась сопровождать мужа. Он уехал. Сначала подавал о себе весточки, звал к себе, а потом замолк.

Дарья Саввична работала, поднимала трех дочерей. Пывадала их замуж — пошли внуки. Вышла на пенсию...

И вот объявил о себе состарившийся Афанасий Сидорович письмом, в котором прописал, что живет он один в большом доме. Нерешительно просит переехать к нему...

И жалко своего старика Дарье Саввичне, но не может она простить «его супостатства против нашей жизни». Поплакав, она неожиданно предлагает ехать к бывшему своему мужу соседке Клавдии — одинокой женщиной, которая «всю жизнь в любовницах да женах ходила при руководящих мужиках». И едет Клавдия, и пишет Дарье Саввичне благодарственное письмо.

Поступила так Дарья Саввична потому, что не раз, глядя на Клавдию, думала: «Какие несчастные бывают люди!» Собственные заботы и горести не мешают ей сострадать другому человеку.

Уже после прочтения этого удивительного рассказа я наткнулся в центральной газете на очерк о инженере-строителе и его семье, с которой он расстался по совершенно той же причине, что и герой «Письма из Таловки». Автор очерка приходит к выводу, что инженер очень обеднил свою жизнь и осуждает его. Владимир Коньков — это характерно для всего его творчества — обходится без резких оценок. И этим оставляет большой простор для наших раздумий о таких сложных, про-

тиворечивых человеческих взаимоотношениях.

Кроме Дарьи Саввичны запоминаются и другие женские образы, которые, как правило, выписаны автором особенно тщательно и бережно. Это искренние, цельные натуры, которые если полюбят, то — на всю жизнь. Любовь Наталии из «Рябины у крыльца», полюбившей человека намного старше ее, продолжает жить и после смерти этого человека.

Героини В. Конькова в самых «тупиковых» ситуациях никогда не теряют своего душевного благородства. Ефросиния Варфоломеевна еще в юности безответно влюбившаяся в своего односельчанина, так говорит о его жене: «Ох и ненавидела я ее, дай ей бог здоровья, а только зла не сделала, поверь! Она разве в бабьей судьбе своей виновата?» («Летят утки и два гуся»).

...Это — о чем пишет Владимир Коньков. Какие же художественные средства он использует?

Он словно не подозревает о существовании современных новаций: смещении временных пластов, обращения к мифологии, усложненной метафоризации и т. п. В. Катаев в своей книге «Алмазный мой венец», форму которой он сам затрудняется определить, констатирует, что «метафора стала богом, которому мы все поклоняемся». Здесь же он говорит, что писатели стали, в основном, изображать, а не повествовать, что «излишество изображений — болезнь века». И призывает: «Не пора ли вернуться к повествованию, сделав его носителем великих идей?»

Владимир Коньков именно повествует. Никаких изобразительных изысков! Все подчинено действию, через действие раскрываются характеры.

Один из ведущих наших критиков недавно заметил, что в наше время для того, чтобы писать традиционно, нужна, как это ни парадоксально, изрядная смелость. Воздадим же должное спокойной смелости Владимира Конькова, его сюжетным, событийным, повествовательным рассказам. И, подчеркну, — интересным, чего не скажешь про творения некоторых новаторов.

Сказанное вовсе не свидетельствует о том, что В. Конькову вовсе чужда яркая образность, метафоричность. Нет. Но использует он метафоры лишь в необходимейших случаях. Рассказ «Рябина у крыльца» заканчивается так: «Над могилой и над еще не разродившейся зеленью землей бился сизым трепетом день».

Очень поэтичны рассказы В. Конькова о детях, заслуживающие отдельного обстоятельного разговора.

Не все рассказы, составившие книгу «Уголок свиданий», равноценны. Не кажется мне особенно удачным рассказ, давший название сборнику. Сколько уже написано подобных

рассказов! Конечно, по-человечески жаль бедных мам и бабушек, обижаемых бессердечными юнцами, но, право же, эта серьезная тема требует большего психологического наполнения.

Но все это — частности. Главное, что остается после прочтения книги Владимира Конькова — благодарность автору за его уверенность в том, что во всех конфликтах добра и зла, бессердечности и черствости, сострадания и равнодушия, чьей бы победой они ни кончались в конкретной ситуации, — правда за добрыми чувствами. Доброта не всегда приносит счастье, но она — всегда права, ибо за ней — будущее.

РАСТЕТ МОЛОДАЯ СМЕНА

Прошел очередной областной семинар молодых литераторов. В двух секциях — поэзии и прозы — обсуждалось творчество более двадцати начинающих авторов. Это был один из самых представительных семинаров последних лет.

Обширна география семинара. Если раньше у нас обсуждались литераторы в основном из наиболее крупных городов Кузбасса — Кемерово, Новокузнецка, Прокопьевска, то сейчас интересных и перспективных молодых поэтов и прозаиков делегировали еще и такие города и поселки, как Юрга, Мариинск, Белозо, Ленинск-Кузнецкий, Гурьевск, Осинники, Спасск.

В семинаре поэзии наиболее ярко заявили о себе машинист железнодорожного крана Бачатского ПТУ Виктор Коврижных, художник из Осинников Александр Глазырин, новокузнецанка Татьяна Карманова, прокопчанин Владимир Берязев.

Среди молодых прозаиков было отмечено творчество работника метеослужбы Владимира Валиулина, инженеров из Новокузнецка Александра Головкова и Александра Фролова, конструктора Ленинск-Кузнецкого электролампового завода Михаила Короткова, геолога из Спасска Сергея Ковякина.

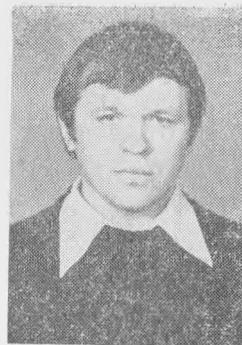
Этот семинар еще раз доказал, что в Кузбассе растет и основательно заявляет о себе молодая смена литераторов. Многие из них стоят на пороге выхода первых книг, другие — своими произведениями убеждают в том, что литературное творчество для них далеко не случайное дело.

Доброго вам пути, молодые литераторы!

В. Махалов,

Руководитель областной литературной студии «Притомье».

Владимир Ширяев

ГАММА-ИЗЛУЧЕНИЕ

Когда же излечение
от гамма-излучения?

...Яичницу откушав,
на службу я спешу.
И в трепетные уши
влетают гам и шум.

Навстречу — две матроны.
Поберегись их ты:
гудят, как циклотроны,
их волевые рты!

Встречает гамом служба...
Но вот, в полубреду,
я по холодным лужам
домой к себе бреду.

Отгородясь от гама
экраном белых стен,
усядусь я за драму
в стихах...

а между тем,
наверное, ногами,—
задрезжал буфет —
на пианино гаммы
вдруг заиграл сосед.

Смертельною угрозой
(на мне уж нет лица)
в нас шум, как будто стронций,
накапливается!

Чтоб не увянуть рано,
мы принимать должны
в осенних рощах ванны
из тишины...

К ВОПРОСУ О СОБАЧЬЕМ ЗРЕНИИ

Очень изумил
друг меня ученый:
«Зрят собаки мир
только бело-черным».

...Расцвела весна,
вышел песик в сад.
Нежные цвета
не обманут пса.

Мир разбит у пса
на два четких класса:
если враг — кусай!
если друг — ласкайся!

На оттенки роз
любоваться брось!
Если ты барбос —
заступай на пост!

Просто, ясно все.
Так и надо жить!
Я б хотел у псов
зренье одолжить.

Станет трудно — пусть:
буду огрызаться!
Только вот боюсь —
научусь лизаться...

ЭЛЕГИЯ

Жметя светило за тучами,
Неуют.
А под окном задумчиво
коровы цветы жуют.

Нашел бы на них управу,
да только... морозы ударили,
цветы никому не подарены,—
коровы по-своему правы.

АВГУСТОВСКИЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

В. Панишеву

На тумбах и на оградах...
Можно узнать из них,
что местному драмтеатру
рабочие сцены нужны.
Что Пьеха приехала.

Завтра выступит.

А югославов ждут в сентябре.

Что «открывается выставка

кроликов и зверей».

Что джинсы имеются в магазинах:

цвет и размер — любой.

Что в клубе лекция:

«медицина

И любовь».

Что рыбный день в столовой ДК:
«Хариус,

*семга,
язь».*

«Покупайте путевки!

дом отдыха —

ваша вторая семья!»

Сдавая бума-

гу в макулатуру,

купишь Дюма —

повысишь культуру.

Облеплена дверь:

«Желаем размена

квартиры — на две

любого размера!»

Кто-то наивный хочет

Яю сменить на Сочи...

«Потерялась собачка. Беленькая,

очень ласковая. Нашедшего

просим вернуть

за приличное вознаграждение»

А к милиции подойдешь —

бандюги портрет висит.

И так на меня бандюга похож —

хоть заводи усы.

.
Их ветерок проворный

срывает.

И по утрам

в Лету сметает дворник

обрывки комедий и драм...

П. А. Чернов. Портрет Светланы Новиковой. Холст. Масло.

